

оцѣнивать исторію Лѣснинскаго и подобныхъ монастырей все-же „монастырей“ въ ихъ менѣе чѣмъ полувѣковой исторіи и долженъ дѣлать отсюда очень осторожные принципиальные выводы.

Этотъ вотъ недостатокъ научной объективности въ оцѣнкѣ историческихъ явленій и личное чувство нерасположенія къ монашеству, переходящее въ откровенное порицаніе и поношеніе его, и являются характерными чертами и особенностями разсматриваемаго нами сочиненія г. Олесевича. Къ послѣдней цѣли онъ сводитъ все: излагая біографію м. игуменіи Екатерины и ея міровоззрѣніе, онъ съ удовольствіемъ глумится надъ постановкой школьнаго богословія (55—57 стр.); излагая ея воззрѣнія на подвижничество; влагаеть въ нее свое озлобленіе противъ монашества (58—86 стр.); говоря о бытѣ и жизни насельницъ монастыря, ихъ трудахъ, авторъ не понимая самой идеи монашества, клеветаетъ на него (47 стр., 68 стр., 216 стр., 223 и др.). Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ автора, мы рѣшительно затрудняемся сказать, принимаетъ-ли онъ самъ и даетъ-ли отчетъ въ томъ, что говорить. Вотъ примѣръ: „трагедія современнаго христіанства въ томъ и состоитъ, что оно, превознося аскетически-монашескій идеаль, слишкомъ унизило идеаль мірскаго христіанства и вообще жизни естественной“ (стр. 227). Или: „міръ здѣсь (т. е. въ Лѣснинскомъ монастырѣ) въ противоположность монашеству не отрицается, не проклинается, а любовно воспринимается какъ страждущій“... (стр. 217).

Описывая на стр. 216, какъ иг. Екатерина любовно принимаетъ къ себѣ обратно тѣхъ, кои уходили отъ нея ради „спасеній души“ въ монастыри, но убѣдились, что для нихъ лучше у м. Екатерины, авторъ говоритъ: „все это свидѣтельство о томъ, какъ глубоко въѣлось въ вульгарныя наши религіозныя представленія „понятіе бѣгства отъ міра“, какъ существенно важнаго элемента во всемъ христіанскомъ подвигѣ“ (стр. 216).

Подобными выдержками можно бы наполнить нѣсколько страницъ и это значило бы переписать половину сочиненія автора. Оставляемъ на христіанскую совѣсть автора его настроеніе и, принимая во вниманіе его трудъ, какъ первый самостоятельный опытъ исторіи весьма симпатичнаго учрежденія, богатый и чисто историческимъ матеріаломъ, добы-

тымъ авторомъ на мѣстѣ, считаемъ возможнымъ присудить ему за означенное сочиненіе степень кандидата богословія“.

б) И. д. доцента *Н. Д. Протасова*:

„Интересное сочиненіе г. Олесевича своимъ предметомъ имѣетъ Лѣвнинскій женскій монастырь въ Константиновскомъ у. Сѣдлецкой губ.

Какъ показываетъ самое заглавіе, авторъ своей главной задачей имѣлъ изложить исторію возникновенія этого монастыря и его значеніе, какъ новой формы монастырской жизни, гдѣ на первое мѣсто выдвигается не созерцательно-аскетическая личная жизнь, а принципъ общественной благотворительности. Первую часть своей темы г. Олесевичъ выполнилъ въ достаточной мѣрѣ, вторая-же за недостаткомъ времени (стр. 219) у него лишь схематически намѣчена на 9 страницахъ (219--223).

Г. Олесевичъ хорошо изучилъ подлежащій матеріалъ, лично знакомъ съ этой интересной попыткой рѣшенія вопроса о примиреніи религіи съ культурой, владѣетъ хорошо перомъ и обладаетъ счастливой способностью поддерживать вниманіе читателя, не утомлять ненужными частностями и пр.

Со многими мнѣніями автора согласиться нельзя (напр. съ тѣмъ, будто наша церковная жизнь виновата въ томъ, что В. Розановъ видитъ въ христіанствѣ силу, принципиально враждебную жизни--стр. 226. Неохристіанскіе любители „святой плоти“ говорятъ еще не то... Съ полной свободой плотской жизни, конечно, не зачѣмъ обращаться къ ученію Христа. Съ душой, полной плотскихъ, разнузданныхъ желаній не зачѣмъ идти въ пустыню (ср. стр. 74), надо прежде отказаться отъ своего „Антихриста“)..

Авторъ неумѣло употребляетъ архитектурные термны: *шесть квадратныхъ колоннъ арки (по три съ каждой стороны)*—стр. 21.

Плохо знаетъ французскій языкъ: вмѣсто *genre*, приписываетъ къ тексту пишущей машины *genre* (стр. 76).

Положительныя достоинства сочиненія г. Олесевича позволяютъ назвать его хорошей кандидатской работой, которую онъ можетъ использовать и печатно.

Степени кандидата богословія г. Олесевичъ заслуживаетъ“.

34) О сочиненіи студента *Полунина Михаила* на тему: „Соціологическій субъективизмъ Н. К. Михайловскаго. Сужденіе о немъ съ христіанской точки зрѣнія“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Таръева*:

„Соціологическія воззрѣнія Н. К. Михайловскаго потому заслуживаютъ полнаго вниманія представителей богословской науки, что въ центрѣ ихъ поставлена человѣческая личность. Соціологическій субъективизмъ знаменуетъ и методъ соціологическій и содержаніе идеала. Субъективный методъ соціологии въ пониманіи Михайловскаго состоитъ въ томъ, что весь соціологическій матеріалъ изслѣдуется и обсуждается единственно съ точки зрѣнія пользы человѣка, желательности, иначе—съ нравственной точки зрѣнія: Аналогично опредѣляетъ Михайловскій и свой идеалъ. „Прогрессъ — по его словамъ—есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ“. Весь біологическій міръ представляется Михайловскому какъ градація индивидуальностей, изъ которыхъ каждая поглощаетъ низшія индивидуальности и сама входитъ элементомъ въ высшую индивидуальность. Чѣмъ совершеннѣе индивидуальность, тѣмъ полнѣе поглощаетъ она входящая въ ея составъ низшія индивидуальности, и тѣмъ уродливѣе оказываются эти послѣднія. Развитие этого міра Михайловскій понимаетъ какъ борьбу (за индивидуальность), въ которой каждая индивидуальность отстаиваетъ себя отъ посягательствъ со стороны сосѣдней высшей индивидуальности. Такая же борьба происходитъ, въ частности, между личностью и обществомъ. Михайловскій въ этомъ антагонизмѣ, который кажется ему непримиримымъ, принимаетъ рѣшительно сторону личности. „Стоя на точкѣ зрѣнія этой борьбы я объявляю—пишетъ онъ,—что буду бороться съ грозящей поглотить меня высшей индивидуальностью. Мнѣ дѣла нѣтъ

до ея совершенства, я самъ хочу совершенствоваться. Пусть она стремится побороть меня; я буду стремиться побороть ее. Чья возьметъ—увидимъ“. Такимъ образомъ, въ социологической системѣ Михайловскаго мы встрѣчаемъ противоположность социологическому фатализму, въ частности, историческому материализму, — что-то близкое христіанскому духу. На каждой страницѣ у него мы находимъ горячій призывъ къ нравственному рѣшенію социальныхъ проблемъ. Однако Михайловскій рѣшительный позитивистъ, и онъ обосновываетъ свой субъективизмъ не на чемъ другомъ, какъ на біологическомъ базисѣ. Съ этой стороны сочиненія Михайловскаго даютъ критику обширный матеріалъ для конкретній постановки и твердаго рѣшенія вопроса, можно ли на почвѣ позитивизма говорить о нравственности и обосновать теорію личности.

Таковы мотивы, по которымъ была предложена г. Полунину названная тема. Его сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ частей. Во введеніи устанавливается литературное родословіе Михайловскаго, кратко формулируется задача, которую себѣ ставитъ авторъ, и отмѣчаются трудности, съ которыми сталкивается попытка систематизаціи социологическихъ воззрѣній этого социолога. Первая часть состоитъ изъ трехъ главъ, въ которыхъ систематически излагается социологическая концепція Михайловскаго. Въ первой главѣ — „объективизмъ и субъективизмъ въ социологій Михайловскаго“—рѣчь идетъ о гносеологическомъ позитивизмѣ Михайловскаго и о его субъективномъ методѣ, которымъ онъ „дополнилъ“ позитивизмъ. Изъ этой главы мы видимъ, что свой субъективный методъ Михайловскій понималъ очень разнообразно—то какъ „общую воспримчивость къ природѣ (исслѣдуемыхъ) явленій“, то какъ апперцепцію, то какъ нравственный судъ надъ явленіями общественной жизни, такъ что право заниматься социологіей признается лишь за тѣми, „чей нравственный уровень достаточно высокъ“. Наряду съ этимъ отмѣчается телеологическій характеръ социальной жизни, какъ окончательно обосновывающій примѣненіе къ социологій субъективнаго метода. Во второй главѣ излагается теорія борьбы за индивидуальность, а въ третьей—теорія социального прогресса. Эту первую часть сочиненія рецензентъ оцѣниваетъ очень высоко. Г. Полунинъ основа-

тельно изучилъ десять томовъ полнаго собранія сочиненій Михайловскаго и изложилъ его социальную систему стройно и литературно. Въ особую похвалу нужно поставить автору его немногословіе. Публицистическая манера Михайловскаго, заставлявшая его множество разъ возвращаться къ однѣмъ и тѣмъ же темамъ, давала г. Полунину полную возможность удесятерить объемъ первой части его сочиненія умноженіемъ выписокъ изъ изучаемаго имъ социолога. Что онъ не поддался искушенію многословія, это свидѣтельствуемъ объ его литературной выдержанности и опытности: онъ обычно избираетъ цитаты наиболѣе характеристичныя для излагаемой системы. Возрѣнія Михайловскаго выступаютъ въ данномъ изложеніи рельефно и связно. Во второй части г. Полунинъ даетъ оцѣнку основнымъ тезисамъ социологическаго субъективизма. Въ этой части онъ обнаруживаетъ внимательное изученіе обширной критической литературы специально о Михайловскомъ и нѣкоторое знакомство съ социологіей вообще; вмѣстѣ съ тѣмъ его собственная критика представляетъ не что иное, какъ итогъ наличной критической литературы. Такъ онъ въ первой главѣ—„критическій анализъ теорій социальнаго прогресса съ объективной стороны“—признаетъ попытку Михайловскаго обосновать индивидуализмъ на биологической почвѣ „неудачной“, идеи личности и общества, съ которыми оперируетъ социологъ-публицистъ, — „абстрактными“, а его формулу прогресса— „пустой“. Критическія сужденія этой главы вполне ясны и достаточно обоснованы. Во второй главѣ—„критическій анализъ теорій социальнаго прогресса со стороны субъективной“ --- обсуждается идея счастья, какъ цѣли жизни, такъ какъ (разъясняетъ г. Полунинъ въ этомъ же мѣстѣ) Михайловскій цѣлью историческаго прогресса считаетъ счастье. Напротивъ критикъ пишетъ: „Мы должны признать всю психологическую несостоятельность критерія нравственности, принятаго Михайловскимъ, такъ какъ удовольствіе не можетъ быть цѣлью человѣческой жизни, его этическую несостоятельность, такъ какъ, опираясь на удовольствіе, нельзя извлечь никакихъ нравственныхъ императивовъ“. Эти мысли, детально развитыя критикомъ, безспорны, но рецензентъ не думаетъ, чтобы критика эта попадала въ цѣль. Нравственность не можетъ опираться на идею счастья, какъ на своемъ

базисъ, по нѣкоторое отношеніе къ счастью нравственность имѣеть неизбѣжно: счастье (хотя бы чаша холодной воды) это то, чѣго человѣкъ по нравственнымъ мотивамъ желаетъ для другихъ. А вѣдь не нужно забывать, что Михайловскій преслѣдуетъ не интересы этики, устанавливающей принципы нравственности, а социологін, поэтому счастье личностей для него скорѣе является желательнымъ результатомъ историческаго процесса и началомъ социальныхъ отношеній, чѣмъ источникомъ нравственныхъ убѣжденій. Предметъ третьей главы — „свобода и необходимость въ социологін Михайловскаго“. Рѣшеніе вопроса о свободѣ и необходимости т. Полюнинъ ставитъ въ заслугу Михайловскому: „въ этомъ отношеніи социологическія воззрѣнія Михайловскаго заслуживаютъ великой похвалы“. Понимаетъ же авторъ воззрѣнія Михайловскаго по этому вопросу въ обычномъ духѣ идеалистической философіи. Что мысли автора въ этомъ отдѣлѣ новы и передаются имъ, хотя стройно, но не съ тою глубиною, которая требовала бы спеціальнаго изслѣдованія, этого и нужно было ожидать; не такъ легко примириться съ несогласованностью выводовъ этой главы съ выводами предшествующихъ двухъ главъ. Трудно понять, какимъ образомъ заслуживающій похвалу за рѣшеніе вопроса о свободѣ и необходимости можетъ быть столь слабъ въ проблемахъ личности и прогресса. Если такая несогласованность вина самого Михайловскаго, то ее нужно было бы отмѣтить. Эту задачу авторъ, повидимому, ставитъ себѣ въ „заключеніи“, гдѣ онъ говоритъ о неудавшейся попыткѣ Михайловскаго примирить правду-истину и правду-справедливость и о невозможности примиренія познанія и долженствованія. Съ внѣшней стороны въ рецензируемой работѣ все выходитъ стройно, и концы съ концами сходятся. Но нельзя не поставить вопроса, не противорѣчитъ ли „заключеніе“ выводамъ третьей главы, и въ душу рецензента закрадывается подозрѣніе, не слѣдуетъ ли авторъ въ сужденіяхъ третьей главы однимъ руководителемъ (напр. Бердяеву *Субъективизмъ и объективизмъ въ общественной философіи*), а въ сужденіяхъ „заключенія“ — другимъ руководителемъ (напр. Струве въ предисловіи къ книгѣ Бердяева): по данному вопросу Бердяевъ, какъ авторъ этой книги, и Струве, какъ авторъ предисловія и многихъ позднѣйшихъ трактатовъ,

рѣзко расходятся. Впрочемъ многое здѣсь можно объяснить и извинить трудностью затронутыхъ вопросовъ. Рѣшительнымъ недостаткомъ сочиненія г. Полунина слѣдуетъ называть отсутствіе критическаго анализа субъективнаго метода Михайловскаго. Что же такое субъективизмъ въ приложеніи къ соціологическому или историческому изслѣдованію? Критикъ системы Михайловскаго не только долженъ былъ бы привести колебанія этого соціолога къ какому-нибудь равновѣсію, но и освѣтить ихъ всѣми средствами социальной философіи, подойти къ отвѣту на этотъ вопросъ по широкому пути философскихъ изысканій. Ему нужно было бы использовать цѣнные труды Дильтея (*Einleitung in die Geisteswissenschaften* и др.), Вундта и особенно Мюнстерберга (*Grundzüge der Psychologie, Philosophie der Werte*), который раздѣляетъ всѣ науки на двѣ области—науки субъективирующія и науки объективирующія. — Ему слѣдовало бы близко ознакомиться съ теоріей историческаго познанія, кардинальнымъ вопросомъ которой есть вопросъ о критеріи выбора историческаго матеріала и, въ частности, о роли нравственной оцѣнки. Чтобы не называть десятки извѣстныхъ именъ, я ограничусь указаніемъ на сочиненія Гротенфельта *Die Wertschätzung in der Geschichte* и *Geschichtliche Wertmassstäbe in der Geschichtsphilosophie bei Historikern und im Volksbewusstsein*. При такомъ освѣщеніи вопроса г. Полунину ясно стало бы и то, въ какомъ пунктѣ соціологическій субъективизмъ соприкасается съ христіанской философіей...

Дѣлая эти замѣчанія о работѣ г. Полунина, я не забываю, что такая постановка работы была бы для него совершенно непосильна. Вообще социальная философія, приобретающая нынѣ столь громадное значеніе какъ преддверіе философіи духовной жизни, остается для нашихъ студентовъ *terra incognita*. Работы въ этой области представляютъ для нихъ едва-ли преодолимыя на студенческой скамьѣ трудности, и потому онѣ должны быть оцѣниваемы въ повышенномъ тонѣ. Г. Полуиниъ сдѣлалъ въ данныхъ условіяхъ очень многое: его работоспособность и любовь къ избранной темѣ безспорны. Если же мы примемъ во вниманіе особое стеченіе тяжелыхъ обстоятельствъ, обрушившихся въ этомъ году на г. Полунина—смерть матери и отца,—то мы должны будемъ признать въ немъ незаурядную силу воли и интел-

лектуальную крѣпость. Степени кандидата богословія г. Потунина заслуживаетъ вполне.— Баллы 5⁴ 1).

35) О сочиненіи студента священника Полякова *Иоанна* на тему: „Третья книга Ездры. Предварительныя свѣдѣнія и послѣдовательное изложеніе содержанія, съ краткими замѣчаніями истолковательнаго характера.“

а) Экстраординарнаго профессора священника *Д. В. Рождественскаго*:

„Въ рецензируемомъ сочиненіи дано рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ исагогическихъ вопросовъ, касающихся третьей книги Ездры. Авторъ не пришелъ къ строго опредѣленнымъ выводамъ касательно личности писателя, времени и мѣста написанія книги; но для такихъ выводовъ не имѣется данныхъ ни въ самой подлежащей изслѣдованію книгѣ, ни въ другихъ библейскихъ книгахъ, ни въ какихъ-либо памятникахъ древней письменности вообще. Составъ книги и ея названія обслѣдованы по всѣмъ извѣстнымъ текстамъ древнихъ переводовъ книги Ездры, при чемъ авторъ самъ сличилъ эти тексты, отмѣчая характерныя ихъ особенности и существенныя черты различія между ними. (Пособіемъ при чтеніи незнакомыхъ автору восточныхъ переводовъ служило сочиненіе Hilgenfeld'a: *Messias Judaeorum, libris eorum paulo ante et paulo post Christum natum conscriptis illustratus. Lipsiae. 1869*). Вопросъ о первоначальномъ языкѣ третьей книги Ездры авторъ оставляетъ открытымъ; однако, его сужденія по этому вопросу обличаютъ въ немъ способность къ осторожной и основательной критикѣ. Содержаніе книги изложено съ большою послѣдовательностью и обстоятельностью. Держась близко текста книги, авторъ, всюду устанавливаетъ связь и послѣдовательность мыслей, чрезъ что проясняется сущность содержанія книги. По требованію темы, къ изложенію содержанія должны быть приложены краткія замѣчанія истолковательнаго характера: такихъ замѣчаній въ рецензируемой работѣ вполне достаточное количество, и авторъ изъяснилъ кратко, кажется, все, что требуетъ изъясненія.

1) Тѣмъ же балломъ отмѣчено курсовое сочиненіе г. Потунина и вторымъ рецензентомъ—п. д. доцента Академіи *Н. Д. Кузнецовымъ*.

При составленіи представленной работы о. Полякову необходимо было ознакомиться съ содержаніемъ книги Ездры, съ различными переводами ея, изучить рядъ апокрифическихъ сочиненій, близкихъ по содержанію и характеру къ названной книгѣ, привести множество параллелей изъ Ветхаго и Новаго Завета, сдѣлать немалое число историческихъ справокъ. Все это онъ выполнилъ въ должной мѣрѣ.

Языкъ сочиненія въ общемъ правильный. Встрѣчаются въ немногихъ случаяхъ неудачныя выраженія (стр. 66: „исключительно съ единственной только цѣлью“; стр. 80: „удостоеннаго.... бесѣдовать съ Богомъ“; стр. 143: „въ благотворительной настроенности“; стр. 185: „каждая (глава) состоитъ изъ обличенія іудеевъ, ихъ отверженія и призванія къ славѣ новыхъ народовъ“ и нѣкоторыя другія). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ, какъ будто, обнаруживаетъ слабость познаній въ латинской грамматикѣ (стр. 1, 27 и др); но это, очевидно, ошибки переписчика, такъ какъ авторъ для рецензируемой только работы прочиталъ не одну сотню страницъ латинскаго текста. На стр. 28-й еврейскія выраженія написаны совершенно неправильно, и слова поставлены въ обратномъ порядкѣ. На стр. 41 встрѣчаемся съ курьезнымъ раздѣленіемъ одной и той же личности на двѣ: гейдельбергскій профессоръ Steiner называется то Steiner'омъ, какъ и должно быть, то Heidelbergensis'омъ.

Въ частности, можно замѣтить, что подробныя свѣдѣнія библиографическаго характера, какъ не представляющія самостоятельной обработки бывшаго въ распоряженіи автора матеріала, слѣдовало бы значительно сократить. Въ главѣ 4-ой встрѣчаемся съ странною непослѣдовательностью въ заглавіяхъ отдѣльныхъ параграфовъ: „§ 1-й. „Псевдонимность писателя 3-й книги Ездры“ (стр. 79); „§ 2-й. Ученіе о Богѣ“ (стр. 84). На стр. 26 возбуждаетъ недоумѣніе слѣдующая фраза: „.....въ 3—14 главахъ рѣчь отличается искусственностью и періодичностью построения, что несвойственно языку латинскому.“ На стр. 27—28 авторъ обнаруживаетъ недостаточное знакомство съ внутренней исторіей ветхозавѣтнаго текста, допуская невозможность смѣшенія переводчиками или переписчиками словъ ׀ 7 8 и ׀ 7 9; такъ какъ эти слова „однозвучныя, но далеко не однобуквенныя“. Три восклицательныхъ знака рядомъ указываютъ на то, что авторъ со-

вершено убѣжденъ въ неотразимости своего возраженія. Но всѣ эти промахи не имѣютъ существеннаго значенія; они только портятъ общее впечатлѣніе.

Изъ всего сказаннаго рецензентъ находитъ основательнымъ сдѣлать такой выводъ: при изученіи мало изслѣдованной книги авторъ положилъ немало труда, обнаружилъ обширную эрудицію и способность къ литературно—критической работѣ; весьма хорошее знакомство съ Священнымъ Писаніемъ, а отчасти и съ апокрифическою литературою; такъ что мелкіе и легко исправимые недостатки не препятствуютъ признать сочиненіе заслуживающимъ высшей степени одобренія.“

б) И. д. доцента іеромонаха Вароламея (Ремова):

„Работа о. Полякова очень добросовѣстна и усердна. Можно указать въ ней немало ошибокъ, методологическихъ промаховъ, неточностей и недосмотровъ; но видно, что всѣ эти дефекты нельзя объяснять небрежностью, невнимательностью автора. Было, повидимому, какъ разъ наоборотъ. Нашъ авторъ увлекся своимъ сочиненіемъ и преувеличилъ свою задачу. Сознательно или безсознательно онъ перешелъ границы той простой, весьма незатѣливой работы, которая опредѣленно указывалась самой формулировкой темы. И вотъ мы видимъ,—въ сочиненіи отведено довольно большое мѣсто характеристикѣ переводовъ 3-ей книги Ездры (стр. 32—46); эта характеристика производитъ впечатлѣніе библиографической справки (очень серьезной), потому что посвящена редакціямъ и изданіямъ переводовъ.

О. Поляковъ не заслуживаетъ укора за увлеченіе своею работою. Жаль только, что его энергія пошла не внутрь, не въглубь исагогическихъ вопросовъ. Исагогическая часть сочиненія, главнымъ образомъ ея первыя главы (глл. 1—3, стр. 1—79), блѣднѣе всего остальнаго. А между тѣмъ несомнѣнно, что надъ этими главами нашъ авторъ работалъ особенно много. Почти все, почерпнутое имъ изъ изученной литературы предмета, относится сюда. Подавленный тяжестью своей ученой артиллеріи, о. Поляковъ проявилъ здѣсь мало собственной инициативы въ изслѣдованіи. Въ результатѣ, онъ постоянно опирается на авторитеты, но самъ въ изложеніи мало авторитетенъ, и вопросы, которыми онъ много

церкви зависѣло отъ водворенія здѣсь ереси самообольщеннаго Монтана; ибо средоточіе, откуда распространилась эта ересь, находилось во Фригии, въ которой Лаодикія была главнымъ городомъ.

Сарды, резиденція Креза, перестали существовать уже въ 4-мъ вѣкѣ: въ царствованіе Аркадія возмущившіяся противъ Римлянъ полчища свирѣпыхъ Готѣевъ разрушили этотъ городъ до основанія. Тамерланъ сравнивалъ съ землею уже не Сарды, а только селеніе, занявшее мѣсто Ладійской столицы. Мѣстность древняго Сардиса теперь совершенно пуста и мертва: столько развалинъ, превращенныхъ уже въ прахъ, заглушили здѣсь самую растительность земли. „Малое число живущихъ казалось мнѣ—говоритъ очевидецъ—шатающимся безъ пристанища; ибо кромѣ разодранныхъ шатровъ туркоманновъ и какой-то мазанки я не видѣлъ здѣсь человѣческаго обиталища“.—Впрочемъ Іерархи Сардійской церкви блюлись въ десницѣ *Держащаго семь звѣздъ и семь духовъ Божіихъ*, долгое время и по разрушеніи самага города; послѣдній извѣстный по имени епископъ жилъ около половины 15 вѣка. Извѣстны нѣкоторыя имена и тѣхъ, *уже не оскверниша ризъ своихъ*:—таковы: ближайшей къ апостоламъ древности Мелитонъ, епископъ Сардійскій, извѣстный и святостію жизни и духовнымъ просвѣщеніемъ; изъ времени Вселенскихъ Соборовъ—Евфимій, послѣдній Іерархъ, который былъ въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ на 7-мъ Вселенскомъ Соборѣ и много терпѣлъ отъ иконоборцевъ; изъ послѣдующаго времени—Николай епископъ Сардиса изъ извѣстныхъ по имени,—онъ былъ въ числѣ тѣхъ православныхъ Іерарховъ, которые въ Константинопольскомъ храмѣ св. Софїи торжественно уничтожили постановленія латинствующаго собора Флорентійскаго.—

Вникнемъ теперь въ откровенія, данныя на имя Ангеловъ церквей: Ефесской, Пергамской и Фіатирской. Эти церкви отчасти похваляются, отчасти обличаются и подвергаются суду по Апокалипсису.—

Пергамская церковь находилась подъ крестомъ внѣшнихъ озлобленій, какъ Смирнская. и притомъ, какъ Филадельфійская, должна была подвизаться при видимомъ перевѣсѣ враждебной силы: *живеши, идѣже престолъ сатанѣ;... идѣже живетъ сатана*.—Изъ того, что это пребываніе въ Пер-

гамъ сатаны поставлено въ связи съ убіеніемъ Антипы: *убіенъ бысть въ васъ, и дѣже живетъ сатана*,—видно, что свирѣпость врага проявлялась въ кровавыхъ насиліяхъ. Но доблестно подвизаясь противъ внѣшнихъ нападеній злобы, Пергамская церковь допустила вкратъ въ свою область ереси Николаитовъ, которые, конечно, подъ личиною христіанской свободы, проповѣдовали необузданность разврата, а подъ личиною знанія ничтожности идоловъ,—безукоризненность участія въ сквернахъ идольскихъ жертвъ. Нужно замѣтить, что Откровеніе представляетъ эту ересь въ отношеніи къ Пергамской церкви ученіемъ Валаама, тогда какъ ту же самую ересь въ отношеніи къ другой церкви представляетъ въ другомъ образѣ, взятомъ изъ Ветхаго же Завета, но имѣющемъ совсѣмъ другое значеніе,—въ образѣ лезавели (ст. 20). Это показываетъ различіе направленій одной и той же лжи,—въ областяхъ двухъ разныхъ церквей.—Въ чемъ же состоитъ особенность Пергамскаго направленія этой лжи? — Валаамъ былъ прорицатель, который сначала получалъ истинно Божественныя откровенія, но потомъ чрезъ свое славолубіе и корыстолюбіе дошелъ до такого нечестія, что присовѣтовалъ врагу Израильтянъ *Валаку положити соблазнъ предъ ними ясти жертвы идольскія и любы творити*. Посему Пергамскіе Николаиты, какъ послѣдователи примѣра и проповѣдники ученія Валаамова, видно, принадлежали къ числу учителей же Божественной истины, но страстями своими доведены до извращенія истины въ нечестивую ложь.—Посему то Господь и глаголетъ Ангелу Пергамской церкви, какъ *имѣяи мечъ обоуду изощренъ, иже есть глаголъ Божій*, по Апостольскому изъясненію духовнаго значенія меча (Еф. VI, 17),—какъ побѣдоносно поборающей за Церковь оружіемъ той самой Божественной истины, которую извращали еретики.

Въ самомъ Откровеніи (II, 12—17) съ одной стороны восхваляется въ Пергамцахъ твердость и вѣрность до смерти въ исповѣданіи Христовой истины, при всей свирѣпости врага: *въ мѣ твои дѣла и гдѣ живещи, и дѣже престолъ сатанинъ; и держиши имя Мое и не отверглся еси вѣры Моєю и въ Моя дни, въ нѣже Антипась свидѣтель Мой вѣрный* ¹⁾, иже

¹⁾ Здѣсь не поставлено глагола и въ греч. текстѣ; можно подразумѣвать: „былъ“ или „страдалъ“.

убіенъ бысть въ васъ, идѣже живеть сатана. Дни Мои: дни мученическаго свидѣтельства Христось называетъ *Своими* днями, конечно потому, что въ такіе дни торжественно проявляется сила Христова въ человѣческихъ немощахъ, и что истина Христова исповѣдуются со всѣмъ самоотверженіемъ вѣры. Съ другой стороны въ Откровеніи обличаются и отвергаются появившіеся здѣсь еретики Николаиты, какъ послѣдователи Валаама, содѣлавшагося изъ вдохновеннаго провидца учителемъ гибельнаго соблазна: *но имамъ на тя мало, яко имаша ту держащияхъ ученіе Валаамова, иже учаше Валаама положити соблазнъ предъ сынами Израилевыми, ясти жертвы идольскія и любви творити. Тако имаша и ты держащія ученіе Николаитско, егоже ненавижду.* Выше изъяснена эта сторона откровенія въ требующихъ уясненія чертахъ своихъ.—Такъ какъ лжеучители, по сдѣланному изъясненію, были изъ числа учителей церковныхъ; то Іерарху здѣшней церкви внушается быть болѣе бдительнымъ въ своемъ служеніи, *покаяться*, а сами лжеучители угрожаются строгимъ судомъ искажаемой ими Божественной истины: *покайся, аще-ли ни, прииду тебѣ скоро, и брань сотворю съ ними мечемъ устъ Моихъ.—Брань сотворю—* безъ сомнѣнія—поражая и неровергая ихъ ложь мечемъ слова Божія, а наконецъ и рѣшительно отсѣкая ихъ тѣмъ же мечемъ отъ состава Церкви.—Побѣдителямъ опасностей, какимъ подвергалась эта церковь, т. е. твердому въ исповѣданіи истины и при внѣшнихъ насиліяхъ, и при соблазнахъ отъ лжи еретиковъ,—съ нѣкоторою торжественностію обѣщается такая награда: *имѣяй ухо слышати да слышитъ, что Духъ глаголетъ церквамъ:—побѣждающему дамъ ясти отъ манны сокровенныя, и дамъ ему камень бѣлый, и на камени имя ново написано, егоже никтоже вѣсть, токмо пріемляй.*

Дамъ ясти отъ манны сокровенныя. Въ раскрытіи значенія сей сокровенной манны служатъ руководствомъ слова, сказанныя Моисею относительно ветхозавѣтной манны, и повторенныя Самимъ Иисусомъ Христомъ искусителю: *и напишана ты манною... да возвѣститъ тебѣ, яко не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человекъ, но о воякомъ словеси, исходящемъ изъ устъ Божіихъ живѣ будетъ человекъ* (Втор. VIII, 3 сл. Мат. IV, 4). Итакъ манна изображала собою животворное и питательное для духа слово Божіе. И притомъ. такъ какъ и

Самъ Христосъ лично есть Слово Божіе вѣчное, благоволившее во времени воплотиться ради насъ, то манна представляла собою и Самого Христа, какъ *хлѣбъ спшедый съ небесе* и питающій насъ Своею плотію и кровію (Іоан. VI, 49—58). Сообразивъ такое значеніе манны съ обстоятельствами церкви Пергамской, смыслъ словъ—*побѣждающему дамъ ясти отъ манны сокровенныя*,—можемъ такъ изложить: „въ томъ самомъ словѣ Божіемъ, которое для лжеучителей есть поражающій ихъ обоюдоострый мечъ, для неизмѣнно—вѣрнаго истинѣ сокрывается небесная манна, питающая душу къ жизни вѣчной: и тогда какъ дерзающіе превращать Христову истину, отсѣкаются мечемъ устъ Христовыхъ отъ Его тѣла Церкви, соблюдающей истину Его въ чистотѣ будетъ постоянно наслаждаться, въ нѣдрахъ Церкви, таинственною манною самага Тѣла и Крови Христовой, вводящею въ Христовы мысли, чувствованія и расположенія, вообще въ единеніе со Христомъ и въ общеніе вѣчной Его жизни“.

Дарованіе тому же побѣдителю *камня* и нареченіе новаго имени напоминаетъ тотъ случай съ Апостоломъ Петромъ, когда онъ за исповѣданіе Христа, внушенное ему откровеніемъ свыше, нареченъ новымъ именемъ (Петра вмѣсто прежняго имени Симона), и такимъ образомъ чрезъ это имя назnamenованъ камнемъ.—Изъ обстоятельствъ нареченія Петра этимъ новымъ именемъ видно, что камень, основной для Церкви, есть не лично Петръ самъ ¹⁾, но Христова истина, имъ исповѣданная и явленная ему Самимъ Отцемъ Небеснымъ.—Слѣдовательно Петръ получилъ этотъ духовный камень уже въ то время, какъ Отецъ Небесный внутренно явилъ ему Христову тайну; нареченіе же Апостола новымъ именемъ только запечатлѣвало этотъ дарованный ему безцѣнный камень. И, безъ сомнѣнія, только духу Петрову, пріавшему внутреннее откровеніе Христовой тайны, понятно было новое его имя не въ общемъ только значеніи, а въ приложеніи собственно къ нему самому. По свидѣтельству Апокалипсиса, то самое, что открыто совершилось

¹⁾ Ибо онъ, сейчасъ же по нареченіи Петромъ, названъ отъ Господа и сатанюю опять, очевидно, не лично, а по отношенію сатанинской лжи, къ нему приравнявшейся (см. Мат. XVI, 23 18).

съ первоверховнымъ Апостоломъ, должно быть и со всякою душою, неизмѣнно вѣрною Христовой истинѣ: дорожа паче всего Христовою истиною, она отъ Христа и получаетъ во владѣніе драгоценный камень Его истины, или живой и свѣтоносной въ Него вѣры; чѣмъ и напечатлѣвается истинное достоинство и значеніе сей души въ новоблагодатной жизни; словомъ: *имя ея ново*. Такой духовный камень есть *бѣлый* т. е. подобно какъ и бѣлыя ризы,—чистый и блистающій своею чистотою.—Снѣговидная чистота этого камня, просіявая въ словахъ и дѣлахъ, можетъ быть видна и другимъ вѣрующимъ; но, то, какъ Христова истина озаряетъ самую душу, или какъ раскрывается въ душѣ, Богомъ даруемая, живая вѣра, и слѣдовательно, въ чемъ именно состоитъ благодатно-духовное личное достоинство и значеніе обновленной души,—это есть тайна самой этой души, недоступная никому постороннему, имѣющая раскрыться вполнѣ развѣ въ будущей жизни. Таковъ смыслъ загадочныхъ словъ: *и дамъ ему камень бѣлый, и на камени имя ново написано, егоже никтоже вѣсть, точію пріемляя*.

До такого же смысла дойдемъ, если будемъ разбирать самое употребленіе словъ и образовъ.—Выраженіе о благодатномъ даяніи „написаннаго новаго имени“ не можетъ не напомнить Христова же выраженія: *имена ваши написаны на небеси*,—выраженія, дающаго мысль о Богодарованномъ избранническомъ достоинствѣ и блаженно-славномъ жребіи тѣхъ, чьи имена написаны на небеси, разумѣется, Самимъ Господомъ. *Имя ново*: имя, очевидно, самого пріемлющаго; иначе прямо было бы сказано, кому другому принадлежитъ это имя. *Имя*, по употребленію въ Св. Писаніи, означаетъ достоинство, силу и значеніе именуемаго; посему *имя ново*—значеніе, достоинство и силу именуемаго въ какомъ-либо новомъ его бытѣ и состояніи,—новомъ въ смыслѣ, разумѣется, духовномъ и благодатномъ, а не земно-жизнейскомъ; новый въ этомъ смыслѣ бытъ и состояніе открываются въ новомъ Іерусалимѣ или въ царствѣ Христовой благодати и потому славы. *Камень бѣлый*, или чистый даже до блистательности (какъ видно изъ сличенія съ Евангельскимъ указаніемъ бѣлыхъ ризъ Лук. XXIV, 4 сл. Мар. XVI, 5 Мат. XXVII, 3), есть образъ, взятый очевидно съ камней драгоценныхъ. Тайнозритель, созерцаая новый Іерусалимъ, видѣлъ, что стѣны этого

града славы имѣють *основаній дванадцать, и на немъ именъ дванадцать Апостоловъ Агничъ... и основанія стѣны града всякимъ драгомъ каменіемъ украшены бѣху* (Апок. XXI, 1. 14. 19).— Основаніе новаго Иерусалима, написанныя именами Апостоловъ Христовыхъ, суть конечно тѣ Божественныя откровенія истины Христовой, какія Апостолы возвѣщали и предали Церкви, и тѣ Апостольскіе подвиги, чрезъ которые первоначально распространялась вѣра Христова въ мірѣ, чрезъ которые сами Апостолы непоколебимо утвердились во Христѣ. Посему и драгоценныя камни, служащіе украшеніемъ основаній, должны быть не что иное, какъ разнообразное отраженіе Апостольскихъ подвиговъ въ ихъ преемникахъ и послѣдователяхъ, и раскрытіе въ сихъ послѣднихъ Христовой истины и благодати *на основаніи Апостоловъ—сущу красоту Самому Исусу Христу* (Еф. II, 20). И если положенныя въ основанія для Небеснаго Иерусалима, Божественное ученіе и подвиги Святыхъ Апостоловъ запечатлѣвали собственное благодатное достоинство каждаго изъ нихъ, такъ что на этихъ основаніяхъ начертаны имена всѣхъ дванадцати Апостоловъ Агнца: то подобное сему должно быть и на драгоценныхъ камняхъ, служащихъ украшеніемъ основаній.—каждый камень долженъ быть отмѣченъ начертанномъ на немъ прочно, какъ именно на камнѣ, благодатно-духовнымъ именемъ или избранническимъ личнымъ духовнымъ достоинствомъ и значеніемъ своего владѣтеля. Это и выражено въ откровеніи, назначенномъ Ангелу Пергамской церкви: *дамъ ему камень бѣлъ, и на камени имя ново написано*. И такъ смыслъ сихъ словъ, въ общей связи откровенія о Пергамской церкви таковъ: „Тогда какъ послѣдователи Валаама или измѣняющіе Божественной истинѣ ради корысти или другихъ видовъ самолюбія, подвергнутся участи того же Валаама—посѣченію мечемъ Христовымъ,—тотъ, кому истина Христова дороже и возжелѣннѣе всего, обогатится драгоценнымъ, бѣлѣющимъ чистотою камнемъ этой истины или, что то же, чистою, живою и свѣтоносною вѣрою въ нее на основаніи Святыхъ Апостоловъ.—вѣрою, усвояющею себѣ и Самого Христа. Такъ и начертается или опредѣлится то благодатное достоинство и значеніе этого Христова избранника, которое и есть имя его новое, написанное Господомъ на небеси прочно, какъ подобаеть на

камнѣ самой истины, и которое откроется предъ всѣми въ новомъ уже Небесномъ Иерусалимѣ, а дотолѣ должно оставаться внутреннею тайною души только самого этого избраннаго“.

Ефесская церковь не имѣла недостатка церкви Пергамской,—т. е. терпѣнія измѣнниковъ истинѣ, учителей разврата. напротивъ отличалась особенною ревностію противъ нихъ и даромъ искушать духовъ, *аще отъ Бога суть, Не можешь носить злыя, и искушилъ еси глаголющіяся быти апостолы и не суть, и обрѣлъ еси ихъ ложныя*,—такъ засвидѣтельствовано о ея Ангелѣ Самимъ Господомъ. Кромѣ того, по свидѣтельству Самой же Воплощенной Истины, Ефесскіе христіане подвергались также озлобленіямъ, и переносили ихъ съ *терпѣніемъ* и твердостію. Они не довольствовались и страдальческими подвигами вѣры, но предпринимали нѣкоторые особые *труды* для славы Христовой и при всемъ томъ *не изнемогали* на своемъ поприщѣ. Чего еще могло не доставать такой доблестной церкви? Одна была въ ней слабѣющая сторона, которая, казалось, прикрывалась самою строгостію ея въ вѣрѣ и нравахъ: Ефессяне ослабѣвали въ христіанской любви. Недостатокъ столь важный, что, по ученію Апостола Павла, не только не вознаграждается подвигами, знаніемъ и проч., но и ихъ лишаетъ цѣны (1 Кор. XIII. 1—3). Посему то въ откровеніи Ангелу Ефесской Церкви (II. 1—7) Господь глаголетъ именно, какъ наблюдающій за пастырями и церквами—не только съ неусыпною попечительностію, но и съ строгимъ вниманіемъ къ ихъ нетерпимымъ недостаткамъ: *такъ глаголетъ держай семь звѣздъ въ десницѣ, ходяи посреда семи свѣтильниковъ златыхъ*.—Что значить, *ходяи*, это изъясняетъ Самъ Господь. *Самъ не пойду съ тобою*, такъ угрожаетъ Онъ Израилю, *яко люди жестоковѣйшии суть, да не убію тебе на пути* (Исх. XXXIII. 3). Посему и въ Апокалипсическомъ представленіи Господа—какъ ходящаго посреди всей полноты Церкви, этого стана Новаго Израиля,—заключается мысль о томъ, что Онъ, неотступно сохраняя вѣрныхъ, въ то же время судитъ и отвергаетъ предающихся не терпимымъ грѣхамъ, къ какимъ относится и недостатокъ христіанской любви.—Въ самомъ Откровеніи сначала одобрительно исчисляются добродѣтельные свойства Ефесской церкви, уже извѣстныя

намъ: *вѣмъ твоя дѣла, и трудъ твой, и терпѣніе твое и яко не можеша носити злыхъ: и искусилъ еси глаголющіяся быти апостолы и не суть, и обрѣлъ еси ихъ ложныхъ: и понеслъ еси, т. е. ты много переносилъ, и терпѣніе имаша, и за имя Мое трудился еси, и не изнемогъ еси и проч.*

Искусилъ еси глаголющіяся быти апостолы и не суть: въ Апостольскія времена, когда спасительная истина проповѣдовалась главнымъ образомъ Богодухновенными учителями,—соотвѣтственно этому и ложь прикрывала себя личиною непосредственнаго Откровенія. Такъ появились, упоминаемые и Апостоломъ Павломъ (2 Кор. XI, 13) *живи апостолы, дѣлатели лъстивы, преобразующіеся во Апостолы Христовы.* Отъ такихъ то оболъстителей, выдававшихъ себя за боговдохновенныхъ посланниковъ Божіихъ, предостерегалъ Іоаннъ въ своемъ посланіи; *не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть.* Ефесская церковь, какъ утвержденная Апостоломъ Павломъ лично и чрезъ посланіе, какъ состоявшая потомъ подъ ближайшимъ надзоромъ самого Іоанна,—умѣла примѣчать лѣсть подобныхъ лжецовъ. Ниже (ст. 6) опредѣляется, что нетерпимые Ефесскою церковію оболъстители были именно Николаиты.

Обозначивъ добрыя стороны Ефесской церкви, Господь раскрываетъ потомъ и всю опасность слабой ея стороны, оскудѣнія любви, съ увѣщаніемъ Ефесянъ къ покаянію и съ строгою угрозою имъ въ случаѣ нераскаянности: *имамъ на тя, яко любовь твою первую оставилъ еси. Помяни убо, откуда спалъ еси, и покаяся, и первая дѣла сотвори: аще же ни, гряду тебѣ скоро и двигну свѣтильникъ твой отъ мѣста своего, аще не покаешия. Любовь твою:* поелику ревность противъ лжеучителей, терпѣніе, труды для Христа, выше одобряемые, суть проявленія собственно любви къ Богу; то любовь, въ ослабленіи которой обличаются Ефесяне, должна быть любовь собственно къ ближнимъ,—хотя съ нею неразлучна и истинная любовь къ Богу. Любовь взаимную Христосъ поставляетъ признакомъ Своихъ учениковъ (Іоан. 13 гл.). Апостоль Павелъ въ посланіи къ тѣмъ же Ефесянамъ представляетъ все тѣло Церкви внутренне живущимъ и возрастающимъ именно благодатною взаимною любовью вѣрующихъ (Еф. IV, 16). Самъ Тайнозритель въ посланіи своемъ такъ говоритъ о любви: *мы вѣмъ, яко приидохомъ*

отъ смерти въ животъ, яко любимъ братію: не любяи бо брата пребываетъ въ смерти (III, 14). И дѣйствительно, когда Богъ есть любовь и когда Христосъ явилъ въ Себѣ любовь, возыскающую погибшихъ, милующую грѣшныхъ, простирающуюся на недостойныхъ и заблуждающихъ; то чуждый духа такой любви отчуждается и отъ Бога и Христа. Отсюда можетъ быть понятно, почему ослабленіе любви въ Откровеніи изображается, какъ глубокое паденіе съ горней высоты: *помяни, откуда спалъ еси.*—Понятно и то, почему Господь угрожаетъ Ефесской церкви, если она не встанетъ на степень прежней своей любви,—совсѣмъ сдвинуть ее съ мѣста, на которомъ она стоитъ. Съ рѣшительнымъ ослабленіемъ любви, въ которой заключается внутренняя жизнь Церкви, нельзя устоять никакой душѣ и церкви.—Впрочемъ и при такой строгости обличенія и угрозы, Господь далѣе подтверждаетъ Ефесской церкви, что отвращеніе ея отъ ереси Николаитской вполне согласно съ Его волею и составляетъ неотъемлемое достоинство этой церкви: *ко се имаша, яко ненавидиши дѣлъ Николаитскихъ, ихъже и азъ ненавижду.* Въ заключеніе откровенія о Ефесской церкви,—*побѣждающему*, т. е. не ослабѣвающему, а напротивъ возрастающему въ христіанской любви, Господь обѣщаетъ такую награду: *побѣждающему дамъ ясти отъ древа жизни, еже есть посредь рая Божія.* Награда соотвѣтствуетъ самому существу подвига и побѣды: пребывающему и преуспѣвающему въ христіанской любви, которая составляетъ самый духъ и сущность благодатной жизни, раскрывая въ себѣ челоуѣколюбивый духъ Самого Христа,—свойственно наслаждаться дающими безсмертіе плодами райскаго древа жизни, т. е. начать, поддерживать и возвышать въ себѣ истинно Христову жизнь—во всегдашней ея свѣжести и бодрости.

Сиапирская церковь, будучи тверда въ вѣрѣ и не изнемающая въ терпѣніи, отличалась и любовію, въ которой слабѣла Ефесская. Служеніе (*диаконія*), упоминаемое въ Откровеніи послѣ указанія на любовь, было, какъ надобно думать по употребленію сего слова (Дѣян. VI. 1 и д.), дѣятельнымъ выраженіемъ христіанской любви этой церкви въ отношеніи къ неимущимъ или немощнымъ и т. под. И притомъ церковь эта, на поприщѣ духовныхъ совершенствъ, просиравалась съ продолженіемъ времени впередъ: *и дѣла многа, ъ*

последняя былина первыхъ. Но при такомъ благословенномъ и благонадежномъ состояніи церкви открылась и здѣсь ересь, проповѣдавшая необузданность въ нравахъ и безстрашіе въ вѣрѣ—развратъ и общеніе идоложертвеннаго (II, 20). Ересь, какъ видно изъ такихъ ея свойствъ, была также Николаитская или вродѣ злой ереси, которая не терпима была Ефесскою церковію, но опустошала Пергамскую. Впрочемъ въ Фіатирѣ эта ересь проявилась своеобразно; и здѣшніе ея поборники также разнились отъ Пергамскихъ, какъ Іезавель отъ Валаама.—Ибо, и выше мы говорили, не безъ причины и значенія лжеученіе въ Фіатирѣ представлялось подѣ образомъ Іезавели, тогда какъ то же лжеученіе въ Пергамѣ приравнено къ ученію Валаамову. Іезавель была происхожденія языческаго; но сдѣлалась супругою царя израильскаго, и самовластно управляла и паремъ, и царствомъ Израильскимъ. Она была покровительницею *студныхъ пророковъ* Ваала, и лично противупоставляла себя пророку Іліи. Это и означаютъ слѣдующія слова о ней въ откровеніи: *глаголющей себѣ быти пророчицею.* При ея могущественномъ и ревностномъ содѣйствіи, язычество такъ распространилось и усилилось въ царствѣ Израильскомъ, что пророкъ Ілія здѣсь уже и не находилъ было, кромѣ самого себя, никого изъ вѣрныхъ Богу Израилеву, хотя и получилъ откровеніе, что сохраненъ и здѣсь остатокъ избранныхъ Божіихъ (3 Цар. XIX, 18). Съ усиленіемъ язычества соединялось необходимо и растлѣніе нравственности; и идоложертвенное было открыто для всѣхъ трапезою. Эти черты Іезавели и взяты въ откровеніи: *учити и льстити моя рабы любитьствовати и съѣсти жертвы идольскія.* Приложивъ такія черты къ ереси въ Фіатирѣ, должно сказать о ней, что, во первыхъ, она вторгнулась сюда, видно, съ началами языческими. О томъ же свидѣтельствуютъ и такъ названныя здѣсь *глубины* (ст. 24), извѣстныя въ Апостольское время именно въ гностицизмѣ—смѣси христіанства съ началами языческой философіи. Во вторыхъ, эта ересь хотя открылась въ области церкви Фіатирской, но успѣла образовать, видно, свой особый незаконный порядокъ, зависящій отъ своихъ *студныхъ пророковъ*, т. е. отъ своихъ лжеучителей и въ существѣ дѣла отдѣленный отъ истиннаго Іерархическаго порядка церкви Фіатирской; ибо таково было языче-

ство въ царствѣ Израильскомъ при самовластіи Іезавели. Такая мысль о Ѳіатирской ереси подтверждается тѣмъ, что, тогда какъ Ангелъ Пергамской церкви самъ убѣждается къ покаянію относительно сей ереси,—напротивъ въ Ѳіатирѣ требуется и ожидается покаяніе только отъ Іезавели и чадъ ея (ст. 21 и 22). Ангелу здѣшней церкви только напоминаетъ обязанность его предостерегать рабовъ Христовыхъ отъ обольщенія Іезавели,—обязанность, не довольно строгимъ исполняемая: *имамъ на тя мало, яко оставляеши женѣ Іезавели* и проч. Въ третьихъ, при нѣкоторомъ хотя и не законномъ порядкѣ и сосредоточенности область ереси—безъ сомнѣнія—не мало распространилась въ Ѳіатирѣ; равно обольщенія ея, подкрѣпляемая языческими мудрованіями, естественно могли дѣйствовать съ немалую силою. Это видно изъ уподобленія ереси или еретическаго сборища царицѣ Израильской, и притомъ самой ревностной и сильной поборницѣ язычества. То же подтверждается и тѣмъ, что на остерегающихся отъ такого обольщенія Господь обѣщаетъ и не возлагать иного бремени,—только бы они вѣрно блюди, что имѣють (ст. 24, 25); видно велика и опасна была здѣсь обольстительная сила Іезавели. По уясненіи изъ самаго откровенія состоянія Ѳіатирской церкви, остается почти только прочесть самое откровеніе (II. 18—29).

Церкви, столь благословенной и цвѣтущей во внутренней своей области, но окрадываемой сильнымъ и опаснымъ еретическимъ собориемъ. Господь глаголетъ, какъ *имѣяй очи Свои яко пламень огнь*, т. е. горяція пламенемъ Божественной любви къ вѣрнымъ, но въ то же время нелицепріятно испытующія сердца и утробы всѣхъ,—какъ *имѣяй нозѣ подобни жалколивану*, т. е. попирающія и сокрушающія все враждебное, что ни приrazilось бы къ нимъ, или на что ни ступили бы онѣ. (Выше сдѣлано уже было истолкованіе сихъ образовъ).—Въ откровеніи изображается сначала цвѣтущее состояніе церкви: *вѣмъ твоя дѣла и любви, и службу и вѣру; и терпѣніе твоє и дѣла твоя, и послѣдняя болша первыя*. Потомъ дѣлается замѣчаніе церкви или ея Іерарху въ томъ, что ими допущено еретическому скопищу обольщать христіанъ: *но имамъ на тя мало, яко оставляеши женѣ Іезавели, глаголющей себѣ быти пророчицу, учити и льстити моя рабы любодѣйствоватьи и снѣсти жертву идольскую*. Далѣе

нарекается обличеніе и судъ на это прелюбодѣйное скопище, — въ открытый примѣръ всѣмъ церквамъ: *и дасть ей время, да покается отъ любодѣйства своего, и не покается. Се Азъ полагаю ю на одръ и любодѣйщіе съ нею въ скорбь велию, аще не покаются отъ дѣлъ своихъ. И чадо ся убью смертію: и уразумѣютъ вся церкви, яко Азъ есмь испытующій сердца и утробы: и дамъ вамъ комуждо по дѣломъ вашимъ.* Здѣсь есть нѣкоторыя черты еще требующія уясненія. Иезавель, представляющая собою общество еретическое (Николаитское или вродѣ того), изображается здѣсь *блудницею*, — какъ потому, что эта ересь проповѣдовала свободу любодѣйствовать, — такъ и потому, что внести въ христіанство языческія начала, значить, очевидно, блуднически измѣнить Христу и предпочесть Христовой истинѣ и любви языческія заблужденія и нечистоты. — *Любодѣйствующіе* съ этою блудницею суть, какъ видно изъ раскрытаго значенія любодѣйства, *студные пророки*, или, сказать точнѣе, вожди и учителя ереси. Чада Иезавели суть, какъ понятно само собою, тѣ, которые становятся членами прелюбодѣйнаго ея семейства, — оболъщенные лжеучителями. — Господь *давалъ* этому скопищу *время покаяться*, безъ сомнѣнія, медленіемъ своего надъ ними суда и, можетъ быть, чрезъ вразумленія и обличенія проповѣдниками истины. — *Низверженіе на одръ, — скорбь велия, — смерть:* такъ какъ чрезъ самое отступленіе отъ Христа еретики подвергаются смерти духовной, начинающейся лишеніемъ всякаго духовнаго утѣшенія; то соединенная съ *низверженіемъ на одръ и скорбію велию* смерть означаетъ уже ни что иное, какъ злополучное и конечное истребленіе еретическаго общества. Когда же и въ такой цвѣтущей церкви, какова Фіатирская, предъ всѣми будетъ обличена, отсѣчена отъ Церкви и предана сожженію эта сухая отрасль — скопище язычествующихъ въ самомъ христіанствѣ: то это будетъ поразительнымъ знаменіемъ того, сколь праведенъ и нелицепріятенъ Господь въ Своихъ судьбахъ: *и уразумѣютъ вся церкви, яко Азъ есмь испытующій сердца и утробы и дамъ вамъ комуждо по дѣломъ его.* — Послѣ суда надъ прелюбодѣйною Иезавелію, отвергающимъ ея оболъщеніе Господь даетъ такое обѣщаніе: *вамъ же глаголю и прочимъ сущимъ въ Фіатирѣ, иже не имутъ ученія сего, и иже не разумѣютъ глубинъ сатанинскихъ, якоже глаголютъ: не возложу на вы тяготы иныя. Токмо, еже имати,*

держите, дондеже прииду.—*Вамъ же глаголю и прочимъ...* Прочіе или собственно остальные (*οἱ λοιποὶ*)—составляютъ остатокъ вѣрныхъ, за исключеніемъ обольщенныхъ или поколебавшихся въ вѣрѣ и за то приговоренныхъ отъ Господа на низложеніе до смерти. Когда вѣрные представляются уже остальными (*οἱ λοιποὶ*); то видно большинство Фіатирскихъ христіанъ составляютъ обольщенные Иезавелію и пораженные судомъ Христовымъ. Не должно опускать изъ виду, что Господь отличаетъ этотъ остатокъ отъ тѣхъ, къ кому непосредственно обращено Его слово: *Вамъ же... и прочимъ* ¹⁾. Господь такъ сказалъ, или прозирая еще въ будущемъ такое распространеніе Иезавелина обольщенія, что вѣрныхъ здѣсь будетъ не болѣе какъ остатокъ,—или согласнѣе съ контекстомъ разумѣть, что Господь здѣсь имѣеть въ особомъ вниманіи тѣхъ вѣрующихъ, которые останутся въ самое время и послѣ уже пораженія Иезавели,—для которыхъ особенно и требовалось ободрительное обѣщаніе. Какъ бы такъ было сказано: „Вамъ глаголю вѣрнымъ, и въ особенности тому остатку вѣрныхъ, которые уцѣлѣють, по низложеніи Иезавели, при велией скорби прелюбодѣйныхъ вождей этого язычествующаго въ христіанствѣ общества, при умерщвленіи всѣхъ исчадіи этой Иезавели“.—

Глубины сатанины (τὰ βάθη τῆ σατανᾶ) можно разсматривать въ противоположеніи *глубинамъ Божиимъ (τὰ βάθη τῆ Θεᾶ* 1 Кор. II, 10). Когда духъ лжи успѣваетъ, лъстиво преобразуясь въ свѣтлый образъ истины, извратить истину до ея основаній и глубинъ; то чрезъ это самое, въ противоположность глубинамъ истины, открываются соотвѣтственныя имъ извращенія ихъ, глубины сатанинской лжи. Таковы вообще сатанинскія глубины! Въ частномъ отношеніи къ Фіатирской церкви, названіе сатанинскихъ глубинъ указываетъ, надо полагать, на извѣстныя у нѣкоторыхъ гностиковъ того времени представленія эоновъ и между ними *глубины*. Впрочемъ то несомнѣнно, что тогда извращалъ истину Христову до ея глубинъ—именно гностицизмъ,—смѣшивая съ христіанствомъ языческія мудрованія.—*Не возложу на вы тяготы иныя*: слѣдовательно есть тягота или бремя, которое

¹⁾ Нѣкоторые, правда, принимаютъ такое чтеніе *ὑμῖν δε λέγω τοῖς λοιποῖς*; (См. Изд. Новаго Завѣта реценз. Титманна Lipsiae 1823), но понятно, что частица *καί* здѣсь нарочито опущена, какъ *кажущаяся* лишнею.

уже возложено на остатокъ вѣрныхъ Фіатирцевъ. Какое же это бремя? Выше указано только на обольщенія отъ Іезавели и на грозный судъ, имѣющій постигнуть ея скопище. И, конечно, обольщеніе отъ столь сильнаго общества язычествующихъ въ христіанствѣ, и притомъ обольщеніе блистательными призраками истины, громкими словами, глубокими воззрѣніями, и потомъ низложеніе этого общества, озлобленіе его вождей, гибель его исчадіи—все это должно составлять великую тяготу для остатка вѣрныхъ, какой соблюдается среди самого большинства обольщенныхъ и будетъ блюстися среди потопа грозящихъ имъ бѣдствій. Здѣсь нуженъ постоянный подвигъ противъ обольщеній, — предложить опасность смѣшаться съ наказуемыми, — неизбѣжны страхъ бѣдствій и даже большее или меньшее участіе въ самыхъ бѣдствіяхъ. Кромѣ этой тяготы, Господь не хочетъ возложить на остатокъ вѣрныхъ *иной тяготы*, — иныхъ очистительныхъ искушеній, иныхъ опасностей и тяжкихъ трудовъ и т. п. — *Токмо еже имате, держите: вѣрные Фіатирци имѣли любовь, оправдываемую и дѣятельнымъ служеніемъ блугу ближнихъ, и вѣру, испытанную терпѣніемъ*, — это хранить и внушается Фіатирцамъ. — *Доидеже прииду:* „храните свою вѣру и любовь не по земнымъ видамъ и во время только опасностей, но до конца, постоянно, и имѣя въ виду собственно Христа и въ Немъ будущую жизнь и славу, имѣющія открыться со вторымъ Его пришествіемъ.“ — И такъ вѣрнымъ въ Фіатирѣ и въ особенности тому остатку вѣрныхъ, которые уцѣлѣютъ при грозящихъ Фіатиру бѣдствіяхъ, Господь общаетъ за отраженіе сатанинскихъ обольщеній освободить ихъ отъ другихъ тяжкихъ искушеній, — впрочемъ подъ тѣмъ условіемъ, если они будутъ хранить свою дѣятельную вѣру и любовь до конца своего поприща, до пришествія Подвигоположника.

Побѣдоносному подвижнику въ этой борьбѣ съ вторгающимся и въ область христіанства язычествомъ, сохраняющему Христову вѣру и любовь до конца, — въ заключеніе откровенія представляется такой великій жребій: *и побѣждающему и соблюдающему дѣла Моя до конца, дамъ ему власть на языцехъ; и упасетъ я железомъ железнымъ, яко сосуды скупдальниччи сокрушатся; якоже и Азъ пріяхъ отъ Отца Моего; и дамъ ему звѣзду утреннюю.* — *Побѣждающему:* выше указаны

браги церкви Фіатирской,—это общество Николаитовъ, язычествующихъ и въ христіанствѣ, и притомъ извращающихъ истину до самыхъ ея глубинъ; слѣдовательно разумѣется побѣждающей именно эту оболъстительную и сатанински-глубокую ложь языческой необуздавности и растлѣнности въ нравахъ и воззрѣніяхъ, сколько она проторглась въ область христіанства.—*Соблюдающему дѣла Моя:—сіе есть дѣло Божіе*, говоритъ Господь въ Евангеліи, *да въруете въ Того, Егоже посла Онъ* (Іоан. VI, 29). Слѣдовательно здѣсь разумѣется соблюденіе дѣлъ истинной вѣры во Христа, во всей обширности сего понятія—соблюденіе и истины Христовой, и любви и терпѣнія и т. д.—*Дамъ ему власть на языцѣхъ и упасетъ я жезломъ* и пр. Во второмъ псалмѣ, словами котораго глаголетъ здѣсь Христось, — Онъ же Самъ устами псалмопѣвца изрекъ: *Господь рече ко Мнѣ: Сынъ Мой еси Ты... Проси отъ Мене, и дамъ Ти языки остояніе Твое и одержаніе Твое концы земли. Упасеши я жезломъ желѣзнымъ, яко сосуды скудельничии сокрушиши я* (7—9).—Сколько очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь собственно о Единородномъ Сынѣ Божіемъ, которому Единому свойственна всемірная власть и неограниченное распоряженіе *концами земли*; столько ясно и то, что здѣсь говорится о Сынѣ Божіемъ во плоти,—ибо не Божеству, а человѣчеству Его приличенъ этотъ образъ пріятія всемірной власти: *проси у Мене и дамъ Ти*. Но Господь какъ воплотился собственно ради насъ, такъ въ во-человѣченіи воспріятую любовь Отца Небеснаго, со всѣми ея дарами и сокровищами безконечными, открываетъ пріемлющимъ по мѣрѣ ихъ пріемлемости. Въ силу этого самаго порядка въ домостроительствѣ нашего спасенія, побѣждающему подвигами и усиліями вѣры оболъщенія язычества, прокрадывающагося и въ христіанство,—Господь предоставляет Свою *власть надъ языками*. Черезъ непоколебимаго ратоборца вѣры противъ козней и сатанинскихъ изворотовъ лжи язычества, Христось хочетъ проявить, наслѣдованную Имъ и по человѣчеству, державную силу—сокрушить всѣ виды враждебнаго язычества¹⁾. Это и означаютъ слова: *дамъ ему власть на языцѣхъ и упасетъ я жезломъ желѣзнымъ* (знакъ державной и строгой власти), *яко сосуды скудельничии сокрушатся* (образъ

¹⁾ Греч. *ἔθνη* какъ Евр. *goyim*, языки,—обыкновенно употребляется въ тѣсномъ смыслѣ о язычникахъ.

рѣшительнаго низложенія), *якоже и Азъ пріялъ отъ Отца Моего* (разумѣется по своему человѣчеству),—Само собою разумѣется, что какъ вообще благодать Христова, такъ и сей частный ея видъ—Христова державная власть надъ язычниками должна проявиться въ своемъ избранномъ, какъ собственно Христова сила, въ немъ дѣйствующая, и отнюдь не какъ плодъ и слѣдствіе собственныхъ дѣйствій человѣка: *наше всѣхъ изъ потрудихся*, говоритъ Апостоль, *не азъже но благодать Божія, яже со мною*, (1 Кор. XV, 10). Но главное, что надо имѣть въ виду для раскрытія силы разсматриваемаго глубокаго изреченія Христова,—это слѣдующее: какъ побѣда надъ духомъ язычества, вторгающимся и въ среду христіанъ, должна быть именно въ духѣ Христовой побѣды надъ зломъ и ложью язычества, чтобы войти побѣждающему въ соучастіе Христовой власти надъ языками; такъ и самая эта власть пасти языки жезломъ желѣзнымъ и сокрушать ихъ, какъ глиняную посуду, должна проявляться не по ветхозавѣтному, а въ духѣ новаго Христова Завѣта. Христосъ же побѣждалъ зло язычества, какъ и всякаго заблужденія и грѣха существенно тѣмъ, что вынесъ Самъ на Себѣ это зло или пріялъ на Себя полную за него отвѣтственность; а потому и власть Христова надъ языками есть собственно благодать и истина Его, разсѣвающая заблужденія языческія и изъ языковъ собирающая новаго Божія Израиля, вѣрующіихъ во Христа. Вотъ какъ надо побѣждать язычество, поражающее своимъ духомъ многихъ и изъ христіанъ! И только такому человѣколюбивому побѣдителю даруется власть, безопадная надъ ложью язычества, но милующая людей.

И дамъ ему звѣзду утреннюю: руководствомъ къ изъясненію этихъ словъ можетъ служить мѣсто во 2-мъ Петровомъ посланіи: *имамы извѣстнѣйшее пророческое слово, емуже внимающе... добръ творите, дондеже день озаритъ* (начнетъ разсвѣтать) *и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ* (I. 19). День, въ духовномъ смыслѣ, опредѣляется явленіемъ или раскрытіемъ Солнца Правды—Христа въ полномъ свѣтѣ значенія Его для міра, именно того значенія, что Онъ ради Своихъ созданій снизошелъ Самъ до принятія созданнаго естества и до свойственнаго тварямъ образа бытія, ради плотскихъ существъ Самъ *плоть бысть*,—что именно Своимъ собствен-

нымъ „Я“ вочеловѣчился ради челоуѣковъ, ради самосознательнаго „я“ каждаго изъ насъ, что притомъ ради насъ грѣшниковъ, осужденныхъ на смерть, Самъ въ челоуѣчествѣ Своемъ умеръ, какъ олицетворенный грѣхъ и проклятіе (Гал. III, 13. 2 Кор. V, 21), и потому въ воскресеніи и вознесеніи Своемъ даетъ и мертвымъ по грѣхамъ ожить съ Нимъ и даже достигать посаженія съ Нимъ на небесахъ (Еф. II, 6), и въ духъ и силъ такой благодати содержитъ и движетъ весь міръ, самую даже неразумную природу (Рим. VIII, 19—22). Во всей славѣ такого своего значенія Христосъ явится, конечно, уже во второе Свое пришествіе, день котораго и называется потому въ словѣ Божіемъ днемъ Христовымъ. Но насколько въ силу и свѣтъ того же входятъ вѣрующіе своимъ сердцемъ и мыслию, настолько и нынѣ въ нихъ разсвѣтаетъ день Христовъ и появляется денница или утренняя звѣзда этого дня. Поэтому Христовы слова: *дамъ ему звѣзду утреннюю*, имѣютъ такой смыслъ: „побуждающему духъ язычества, приражающійся и къ христіанамъ, дамъ возгорѣться и засвѣтиться подобно свѣтилу тою Моею любовію къ грѣшному міру, чтобы сознать и чувствовать и выносить виновность и въ чужихъ винахъ и заблужденіяхъ, какъ въ своихъ, и такимъ образомъ съ собою возводить и виноватыхъ, и заблуждающихъ на высоту истины и правды благодатной“. Въ этомъ смыслѣ Христосъ, въ книгѣ Апокалипсиса, Себя Самого называетъ свѣтлою и утреннею звѣздою. *Азъ есмь звѣзда утренняя (свѣтлая) и денница* (XXII, 16). Вотъ какова благодать, предоставляемая подвижащимся съ живою вѣрою и челоуѣколюбивою ревностію противъ проникающихъ и въ христіанство призраковъ и сквернъ язычества!

Посмотримъ теперь, сколько откровенія о церквахъ Віатирской, Ефесской и Пергамской отразились въ самыхъ судьбахъ этихъ церквей до нашего времени. Сказаніе о мученичествѣ въ *Пергамѣ* св. Антицы читаль Андрей Кесарійскій, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ въ своемъ толкованіи Апокалипсиса, Евсевій, въ своей Церковной Исторіи, повѣствуетъ, что очень много было здѣсь и другихъ мучениковъ (кн. IV, 14). Причиною, почему христіане здѣсь были гонимы съ особенною яростію, какъ основательно догадываются, было поклоненіе здѣсь Ескулапу, столько же силь-

ное и знаменитое у древнихъ, какъ поклоненіе Діанѣ въ Ефесѣ. Между тѣмъ какъ призраки другихъ мнимыхъ боговъ померкали—черезъ самое ослабленіе „вещественныхъ пачаль міра“ (Гал. IV, 8—9), или затемненія въ природѣ и мірѣ первобытныхъ яркихъ слѣдовъ Божественнаго и духовнаго; измышленный богъ здравія и врачующей силы могъ еще находить въ ослѣпленныхъ живое къ себѣ сочувствіе, возбуждаемое и поддерживаемое всеобщимъ желаніемъ добраго здравія, счастливыми врачеваніями больнхъ чрезъ служителей Ескулапа, самыми врачующими травами и соками и пр. Извѣстно, что греческій риторъ уже 2-го вѣка (Элій Аристидъ) въ своей рѣчи съ безумнымъ восторгомъ называетъ Ескулапа Пергамскаго своимъ спасителемъ и даетъ Пергаму преимущество предъ всѣми другими городами Греціи, какъ жилищу „истиннаго свѣта, просіявшаго въ Ескулапѣ“. И так. обр... сатанѣ, ослѣпившему язычниковъ, всего удобнѣе и способнѣе было держаться на своемъ престолѣ въ Пергамскомъ храмѣ и богопочтеніи Ескулапа; и слѣдовательно тѣмъ свирѣпѣе могла проявляться здѣсь вражда упорныхъ язычниковъ противъ христіанъ.—Извѣстно и то, что ересь Николаитовъ, которая имѣла въ своихъ мнѣніяхъ много общаго съ гностиками, была особенно распространяема въ Пергамѣ. — Впрочемъ пастыри здѣшней церкви, слѣдуя внушенію: *покайся*—успѣли достигнуть того, что извѣстный намъ преемственный рядъ ихъ простирался до числа 16-ти епископовъ (см. Норова стр. 216 въ прим.). И нынѣ на развалинахъ уже всѣхъ знаменитыхъ древностей Пергама, въ подчиненіи уже Смирнскому епископу, есть здѣсь, хотя весьма скромная православная церковь. Изъ числа 2000 душъ 200 принадлежатъ православнымъ грекамъ. Тайнственность Христова обѣтованія — побѣждающему въ Пергамской церкви (манна *сокровенная*, имя, егоже *никтоже вѣсть*, точію приѣмляй) чудесно осѣняетъ самые опустѣвшіе останки стѣнъ и башенъ, входящихъ въ составъ церкви св. Іоанна. Мусульмане, говоритъ нашъ Норовъ, пытались нѣсколько разъ обратить эту церковь въ мечеть, но по ихъ собственному сознанію, не могли этого выполнить; то обрушивалась неожиданно стѣна, то падалъ вновь отстроенный минаретъ и проч. „Самые неутомимые антикваріи, говоритъ тотъ же путешественникъ, не находятъ не только слѣдовъ

древняго столь знаменитаго храма Ескулапова, но даже не признають и мѣста, гдѣ онъ существовалъ,—а неугасимыя лампы предъ иконами Господа Иисуса, Бѳгоматери Маріи, и Благовѣстника Іоанна все еще теплятся въ Пергамѣ.

Судьбы *Ефесской* церкви еще рѣзче запечатлѣны и грознымъ судомъ, и неотъемлемою милостію, какіе выражены въ откровеніи о сей церкви.—Съ изсякновеніемъ здѣсь елея любви, обличеннымъ въ Апокалипсисѣ, нельзя было не ослабѣвать и самому свѣту вѣры. И дѣйствительно, въ Ефесѣ успѣла значительно распространиться и та самая ересь Николаитская, которая была сначала нетерпима здѣсь; средное съ нею лжеученіе Керинѳа также имѣло здѣсь многихъ послѣдователей. Въ послѣдствіи ереси Аріанская и Македоніева имѣли поборниками своими самихъ епископовъ Ефесскихъ (первая Меноданта, другая Евсевія). Нечестіе нѣкоторыхъ предстоятелей Ефеса доходило до высшей степени: таковъ былъ нечестивый епископъ Антонинъ, осужденный св. Златоустомъ и, въ особенности, бывшій сначала евнухомъ какого-то трибуна, Викторъ. Съ этимъ епископомъ, какъ отзывались современники,—мерзость запустѣнія водворилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ возлюбленный ученикъ Иисуса, преклонявшій главу свою на перси Премудрости, Іоаннъ писалъ свое Благовѣстіе... О, если бы этотъ евнухъ могъ, по крайней мѣрѣ, вести жизнь приличную, тогда бы зло вполнину было ослаблено; но этотъ червь земной, рабъ своего чрева, обуреваемый сластолюбіемъ, преданный пьянству, продажный, скупой" и т. д. (см. Норова стр. 263 и 264). — Здѣсь былъ такъ называемый разбойничій соборъ, оправдавшій нечестиваго Евтихія, а поборника православія Флавіана, Константинопольскаго патріарха, подвергнувшій истязанію, темничному заключенію и изгнанію. Но оставимъ слѣдить случавшіяся колебанія и затемненія свѣтильника Ефесской церкви. Ужаснымъ образомъ, наконецъ, сдвинуть былъ съ мѣста или сметенъ съ лица земли столь богатый и нѣкогда славный Ефесъ. Тамерланъ созвалъ сюда всѣхъ подвластныхъ ему князей Анатолиіи и цѣлый мѣсяць грабилъ, жегъ и разрывалъ этотъ древній и знаменитый городъ. Теперь здѣсь запустѣніе и развалины, гдѣ путешественники находятъ для пристанища одну бѣдную магометанскую деревеньку, Аюсулукъ. *Покайся и первая овла со-*

твори, еще же и, — такъ говоритъ Некоснящій Своимъ судомъ на нераскаянныхъ, гряди тебѣ скоро, и движи свѣтильникъ твой отъ мѣста своего, еще не покаешься.—Обратимся къ противоположной сторонѣ въ судьбахъ той же церкви. Добрыя дѣла самихъ Ефесянъ, какія извѣстны изъ исторіи, отличаются именно такимъ характеромъ: *не можешь носить злыхъ и искусствъ еси глаголющія быти Апостолы и не суть... Ненавидиши дѣла Никодѣанскія*; равнымъ образомъ отражается въ обстоятельствахъ сей церкви именно такая небесная милость: *побѣждающему даю ясти отъ древа жизни.*—Еще во 2-мъ вѣкѣ, когда время празднованія Пасхи не было еще опредѣлено Вселенскою Церковію—одно и то же для всѣхъ, и когда между тѣмъ Римскій епископъ властительски требовалъ отъ Апостольскихъ Церквей согласія съ нимъ въ празднованіи Пасхи,—этому самому первому проявленію властолюбія Римскаго епископа Ефесскій Поликрать противопоставилъ твердую вѣрность преданію касательно спорнаго предмета. Онъ созвалъ на Соборъ 65 епископовъ и въ отвѣтъ Римской церкви отправилъ посланіе, въ которомъ писалъ: „Мы празднуемъ Пасху въ истинный и коренный день, ничего не прибавляя къ обрядамъ и ничего отъ нихъ не убавляя.. Я изъ среды Васъ ничтожнѣйшій Поликрать слѣдую преданіямъ предѣстниковъ моихъ... Я не страшусь воздвигаемыхъ противъ меня угрозъ, ибо я помню то, что сказали большіе меня Учители: „Богу должно повиноваться паче, ниже человѣкамъ“. Такой же духъ ревности противъ человѣческихъ самовластныхъ притязаній обнаруживали и пасомые, даже въ отношеніи къ своимъ невѣрнымъ долгу пастырямъ:—„Мы молимъ тебя, досточтимый Владыко,—такъ писали граждане Ефесскіе (съ сосѣдними епископами) святому Златоусту,—молимъ тебя прибыть къ намъ, и правилами, угодными Богу, оградить Ефесскую церковь, давно угнетаемую отчасти послѣдователями Аріевой ереси, и отчасти тѣми, которые будучи движимы сребролюбіемъ и страстію владычества, дерзаютъ называть себя правовѣрными: ибо многіе, какъ хищные волки, алчутъ епископства, дабы поспѣшнѣ завладѣть богатствомъ“. (Palladius de vita Chrysostomi, pag. 133—134. Opp. J. Chrysost.) Когда противъ Несторіевой ереси открытъ былъ въ Ефесѣ Соборъ Вселенскій, въ то время и послѣ того епископъ Ефесскій Мемнонъ раздѣлялъ со свя-

тымъ Кирилломъ Александрійскимъ и ревность о Православіи, и опасности, озлобленія за Православіе,—и наконецъ торжество надъ противниками Православія. Самый народъ Ефесскій явилъ столь живое усердіе къ правой вѣрѣ, что, когда Соборъ осудилъ Несторія, народъ цѣловалъ самыя ноги у епископовъ, проводилъ ихъ до домовъ съ факелами, среди благовонныхъ куреній, и весь городъ былъ освѣщенъ въ эту ночь.—Въ борьбѣ Православія съ Латинствомъ, при совершенномъ почти торжествѣ послѣдняго надъ первымъ на соборѣ Флорентійскомъ, великій пастырь Ефесскій Маркъ отстаивалъ истину, одинъ противъ всего флорентійскаго соборища не только Римлянъ, но и Греческихъ епископовъ и самого императора.—Говорить ли уже о другихъ страдавшихъ и трудившихся здѣсь ради имени Христова? Таковы, на примѣръ, семь извѣстныхъ Ефесскихъ юношей, которые точно вкусивъ отъ древа жизни, почти два столѣтія провели въ мирномъ успокоеніи, какъ одну ночь обыкновеннаго сна (отъ Декія до Θεодосія Великаго); святой Игнатій епископъ со священникомъ Андреемъ, пріявшіе мученическую смерть за святыхъ иконы при Львѣ Исаврянинѣ,—и въ наше время (1818) мученически-же скончавшійся старецъ Діонисій Калліархъ, іерархъ Ефесскій.—Зато, несмотря на совершенное запустѣніе Ефеса и на развалины всѣхъ древнихъ святилищъ Ефесскихъ,—сдвинутая съ сего мѣста Ефесская церковь еще жива донинѣ, и притомъ съ значеніемъ митрополіи, которой подчинено до 58 городовъ и селеній, имѣющихъ до 11000 православныхъ; митрополитъ Ефесскій начальствуетъ надъ двумя или тремя епископами:—*побѣждающему дамъ ясти отъ древа жизни.*—

Наконецъ сколь ни мало извѣстны судьбы церкви *Θιατιρской*, но и въ нихъ ясно отражается откровеніе съ обѣихъ своихъ сторонъ—и грозной, и свѣтлой. И во 1-хъ, весьма замѣчательно, что эта, уже при Апостолѣ Іоаннѣ столь цвѣтущая церковь, какъ видно изъ Откровенія—оставалась въ безвѣстности до половины третьяго вѣка (когда пострадалъ за Христа святой Карпъ, епископъ Θιαтирскій, съ діакономъ Папилою).—Она была столь незначительна и неизвѣстна, что нѣкоторые изъ еретиковъ, обличаемыхъ и опровергаемыхъ святымъ Епифаніемъ, даже отвергали Апокалипсисъ, какъ упоминающій о Θιαтирской церкви, кото-

рой будто бы еще и не было. Почему же и какимъ образомъ церковь, отличавшаяся вѣрою, любовію, терпѣніемъ и вообще духовнымъ преспѣяніемъ, погрузилась въ такую безвѣстность? Апокалипсисъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ Христовымъ судомъ надъ обществомъ язычествующихъ христіанъ, усилившихся въ Ѳіатирѣ. При низложеніи этой Іезавели, естественно было пасть на всю здѣшнюю церковь такой же тяготѣ, какой подвергается тѣло при отсѣченіи отъ него многихъ зараженныхъ членовъ, т. е. крайнему изнеможенію и истощанію силъ. И так. обр. безвѣстность Ѳіатирской церкви впродолженіе двухъ первыхъ вѣковъ, есть ни что иное, какъ оправданіе самыми событіями суда Христова, который изреченъ въ откровеніи относительно этой церкви. За то во 2-хъ, вполсѣдствіи—пастыри Ѳіатирскіе присутствуютъ на Вселенскихъ Соборахъ, властительно поражающихъ ложь, вторгающуюся въ Церковь; такъ на 1-мъ Вселенскомъ Соборѣ былъ Созомъ, на Ефесскомъ подписался—Фоскъ, на 7-мъ присутствовалъ правящій епископскимъ престоломъ Ѳіатиры пресвитеръ Исакій. — Равнымъ образомъ, при отдѣленіи Запада отъ Православнаго Востока,—на Соборѣ, возстановившемъ патріарха Фотія, былъ также епископъ Ѳіатирскій Василій. При семъ не видно, чтобы какія новыя тяготы обременяли Ѳіатирскую церковь. Но въ 3-хъ, когда ослабленіе благочестія и пороки были причиною опустошенія Востока варварами и покоренія его Магометанамъ,—Ѳіатиръ безъ сомнѣнія, за особенное умноженіе этихъ исчадій древней Іезавели, былъ такъ разрушенъ и опустошенъ, что впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ не знали, гдѣ и находился этотъ городъ. И только въ концѣ 17 вѣка англичанинъ Рико изысканіями своими наведенъ былъ на турецкій городъ *Аль-гиссаръ*, гдѣ довольно большое число уцѣлѣвшихъ древнихъ надписей съ именемъ Ѳіатиры, обнаружили ея прошедшее существованіе на семь мѣстъ. Однакоже въ 4-хъ, и послѣ такого опустошенія, постигнаго христіанскую Ѳіатиру, здѣсь есть и теперь двѣ православныхъ церкви, и до 500 православныхъ грековъ. „Утѣшительно думать, говорить собравшій эти свѣдѣнія Норвъ, что здѣсь еще сохранилось малое число тѣхъ, которые, согласно съ увѣщаніемъ Спасителя, соблюдаютъ Его законъ до конца, которымъ обѣщана власть надъ язычниками и звѣзда

утренняя“. Дальнѣйшее осуществленіе этого обѣтованія выполнѣтъ предлежитъ будущему.— Довольно для насъ того, что судьбы Фіатирской, подобно какъ Ефесской и Пергамской церквей, носятъ на себѣ явныя знаменія вмѣстѣ милости и суда; тогда какъ Лаодикія и Сардисъ представляютъ изъ себя зрѣлище гнѣва Божія, а напротивъ Смирна и Филадельфія осѣняются благоволеніемъ небеснымъ. Такъ истинно, дѣйствительно и властительно надъ судьбами церквей слово Божіе!— Впрочемъ не должно терять того изъ вида, что откровенія и о другихъ Церквахъ, особенно же о Фіатирской, при всей приложимости своей къ частнымъ судьбамъ сихъ церквей, выражены въ такихъ величественныхъ чертахъ, которыя требуютъ гораздо обширнѣйшаго приложенія.—И дѣйствительно, при дальнѣйшемъ обзорѣни судебъ Вселенской Церкви, провидѣнныхъ Тайнозрителемъ, увидимъ, какъ къ нимъ глубоко приложимы эти откровенія о частныхъ церквахъ. Тогда откроется, что самый порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ эти откровенія одно за другимъ, соответствуетъ порядку, въ какомъ слѣдуютъ судьбы вселенски-церковныя. Но объ этомъ рѣчь еще впереди.

Ислѣдованіе рассмотренныхъ откровеній, по отношенію ихъ только къ частнымъ церквамъ, заключимъ общимъ указаніемъ тѣхъ уроковъ, какіе слово Божіе предлагаетъ намъ въ примѣрѣ этихъ церквей. Откровеніе Христово не только своими живыми письменами, но и событіями, совершившимися по Его предначертанію,—остатками и слѣдами Апокалипсическихъ церквей, открытыми всѣмъ,—внушаетъ намъ такіе уроки: Господу наиболѣе благопріятны великодушное терпѣніе злостраданій ради Его, проникнутое челоуѣколюбивымъ духомъ собственнаго Его терпѣнія и смиреннымъ сознаніемъ своей нищеты, и неизмѣнная вѣрность Ему и Его духу при малыхъ силахъ и въ униженіи. Объ этомъ свидѣлствуютъ предначертанныя въ Апокалиписѣ судьбы Смирны и Филадельфіи.—Между тѣмъ одно имя или благовидная внѣшность христіанства, православія, благочестія и т. под. не укроетъ и не избавитъ отъ строгаго суда Христова, какъ не сохранились такимъ образомъ Сарды; недостатокъ живой разумной ревности объ угожденіи Христу и совершенное самодовольство тѣмъ однимъ, что душа не совсѣмъ еще охладѣла ко Христу,—представляетъ крайне жалкое и

опасное духовное состояніе, чему доказательство Лаодикія.— Наконецъ и высокія духовныя доблести теряютъ свою цѣну или при недостаткѣ любви, составляющемъ духовное паденіе при самой даже ревности противъ лжи и заблужденій, какъ показано въ судѣ надъ Ефесомъ; или чрезъ какое-либо искаженіе вѣры въ удовлетвореніе страстей, какъ было въ Пергамѣ; или чрезъ внесеніе въ область христіанства чуждыхъ, хотя кажущихся глубокими, воззрѣній и правилъ, какъ въ Сіатирѣ. Впрочемъ нѣтъ ни одного изъ этихъ духовныхъ состояній рѣшительно отчаяннаго; покаянію вездѣ остается мѣсто,—и въ самыхъ грозныхъ судахъ выражается, ищущая спасенія погибающихъ и вполне усвояющаяся побѣждающимъ все злое; *Христова любовь*. Только сатанинское сонмище самовозносливаго іудейства и Іезавель растлѣннаго язычества, за несмягчаемое ничѣмъ упорство свое, подлежатъ отверженію и низложенію.

Видѣнія о судьбахъ Вселенской Церкви.

Приступимъ къ обзорѣнію и изъясненію видѣній, относящихся уже не къ частнымъ церквамъ, современнымъ Тайнозрителю, а раскрывающихъ вообще судьбы Церкви, *имѣже подобаетъ быти* (IV, 1), начиная отъ того самаго времени, когда предъ очами Тайнозрителя снимались печати съ таинственной книги грядущихъ судебъ (V, 1; VI и д.),—даже до самаго открытія новаго Іерусалима, сходящаго съ небесе во славу (21 и 22 гл.).

Для опредѣленія порядка въ истолкованіи, должно взять во вниманіе внутренней составъ и порядокъ самыхъ откровеній или видѣній, здѣсь изображенныхъ.—

Въ судьбахъ воинствующей Церкви различаются двѣ противоположныя стороны, именно: представляются съ одной стороны—дѣйствія вѣры и явленія благодати, а съ другой—нападенія на Церковь внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, оканчивающіяся ихъ низложеніемъ и гибелію. Та и другая сторона въ дѣйствительности такъ соединены между собою, что какъ бы входятъ одна въ другую: вѣра совершается именно въ подвигахъ противъ враговъ, и низложеніе послѣднихъ составляетъ торжество благодати; что же касается въ особенности внутреннихъ враговъ вѣры и Церкви,—они

вторгаются иногда въ самую область какъ всеи Церкви вообще, такъ и духа вѣрующаго въ частности, и дѣйствуютъ здѣсь вмѣстѣ съ дѣятельностію вѣры и благодати и даже часто прикрываются личиною вѣры и благодати ¹⁾. Одно развѣ Божественное Око можетъ со всею точностію и ясностію отдѣлать пшеницу отъ плевелъ, доколѣ *обоя растутъ окупѣ*. Тайнозрителю, возведенному на высоту Божественнаго созерцанія, дано поэтому самому видѣть ту и другую сторону судебъ Церкви въ совершенной ихъ раздѣльности и противоположности. Та и другая сторона иногда представляютъ даже совсѣмъ отдѣльныя зрѣлища, иногда же являются хотя на одномъ зрѣлищѣ, но безъ всякаго смѣшенія,—какъ двѣ совершенно противоположныя и враждебныя области.—

Такъ, во 1-хъ, являются какъ бы нѣкоторые таинственные представители искупленныхъ Богови кровію Агнца изъ всего рода человѣческаго (V, 8—9), находящіеся предъ престоломъ Самого Бога и Агнца, въ общеніи съ сонмами Ангеловъ, и вмѣстѣ съ ними и со всею всеобщностію созданія славящіе Бога и Агнца, владѣющаго книгою судебъ. Но съ другой стороны открывается гнѣвъ Бога и Агнца (VI, 16—17), поражающій нѣкоторыхъ также, какъ бы всемірныхъ противниковъ своихъ (ст. 15)—разными казнями и, наконецъ, омраченіемъ самаго солнца, низверженіемъ звѣздъ и вообще страшнымъ потрясеніемъ неба и земли. Это въ 4. 5. 6 гл.гл.

Во 2-хъ, предъ тѣмъ-же престоломъ Божиимъ и Агнцемъ, въ общеніи со всѣми Ангелами—являются рабы Божіи въ опредѣленномъ числѣ—изъ колѣнъ Израильскихъ, и въ безчисленномъ множествѣ—отъ всякаго языка и колѣна, *пришедшіе отъ скорби*.—Съ другой стороны, по трубному гласу Ангеловъ слѣдуютъ одна за другою новыя казни собственно на тѣхъ, *иже поклоняются демонѣмъ и идоломъ златымъ и серебрянымъ, и мѣдянымъ, и каменнымъ, и деревянымъ, предаваясь и другимъ порокамъ, какъ Тайнозритель и изображаетъ нераскаившихся послѣ сихъ казней* (IX, 20—21). Это содержится въ 7, 8 и 9 гл.

Послѣ нѣ котораго заключенія предыдущихъ видѣній и

¹⁾ Изъ св. отецъ Макарія Великій особенно ясно раскрываетъ, какъ въ нашей душѣ дѣйствуютъ вмѣстѣ, хотя и во взаимномъ бореніи, благодать и сила грѣха.

вступленія въ новыя откровенія, содержащагося въ 10-й гл. въ слѣдующихъ двухъ видѣнїяхъ какъ свѣтлая сторона вѣры и благодати, такъ и враждебная сторона бездны представляются уже на одномъ зрѣлищѣ, хотя все же въ совершенной раздѣльности между собою.—И именно:

Въ 3-хъ, между тѣмъ какъ велѣно измѣрить храмъ Божїи во внутреннихъ его частяхъ, а святой градъ оставленъ еще на шопранїе язычниковъ на нѣкоторое время,—являются два великіе Христовы свидѣтели, потребляющіе своихъ враговъ огнемъ, исходящимъ изъ устъ ихъ, и вооруженные грозною властію надъ небомъ и землею противъ непокорныхъ. Хотя и этимъ вселенскимъ пророкамъ грозитъ, къ радости наказуемыхъ ими, неизбежное насиліе и самая смерть отъ выходящаго изъ бездны звѣря; но они вскорости воскресаютъ и по небесному гласу восходятъ на облакахъ на небо, въ виду и къ страху своихъ враговъ, при ужасномъ въ тотъ же часъ землетрясенїи, побудившемъ живущихъ на землѣ прославить Бога Небеснаго. Торжественные гласы на небеси: „царство міра содѣлалось Царствомъ Господа нашего и Христа Его“, „время погубити растлившихъ землю“—и явленіе Ковчега Заветъа въ отверстомъ храмѣ Божїемъ, послѣдуемое молніями и громами.—составляютъ послѣднюю часть этого великаго видѣнїя. Таково содержаніе 11-й гл.

Въ 4-хъ, является на небѣ Царственная жена, облеченная въ солнце, носящая вѣнецъ изъ 12-ти звѣздъ и стоящая на лунѣ,—находящаяся въ мукахъ рожденія. Въ этой же горней области появляется и страшный змѣй, успѣвшій уже повергнуть на землю третью часть звѣздъ небесныхъ и теперь слѣдящій за женою, *да, егда родитъ, съѣстъ чадо ея*. Однако рожденное женою дитя мужскаго пола, въ цѣлости вземлется къ престолу Божїю, имѣя великое назначеніе *пасты вся языки жезломъ желѣзнымъ*; сама жена, по разрѣшенїи отъ бремени, скрывается на нѣкоторое время въ пустыню; а змѣй съ своими служителями низвергается Архистратигомъ Михаиломъ и его небеснымъ воинствомъ съ горней области на землю. Рѣка, которую испустилъ было низверженный змѣй изъ своего зѣва противъ жены, поглощается разверзшеюся землею. И развирѣившій змѣй, наконецъ, обращаетъ свою ярость на остатокъ сѣмени жены, каковъ еще уцѣлѣлъ и въ дольней области. Все это изображено въ 12-й главѣ.

Отсель борющіяся стороны опять представляются въ отдѣльныхъ зрѣлищахъ, и на первомъ зрѣлищѣ является сторона темная, враждебная вѣрѣ и благодати.

Такъ, въ 5-хъ, появляются одинъ за другимъ два звѣря. Одинъ отличается въ особенности горделивымъ и богохульнымъ словомъ, изощреннымъ противъ всего небснаго и Божественнаго, а другой совершаетъ для обольщенія людей великія чудеса во имя перваго звѣря, склоняетъ людей сдѣлать образъ перваго звѣря и успѣваетъ сообщить жизнь этому звѣриному образу. Эти звѣрообразные враги распространяютъ обольщенія на всю землю, и въ борьбѣ съ святыми получаютъ явный надъ ними перевѣсъ. Но за то, съ другой стороны, тѣмъ не менѣе обрѣтаются и соблюдаются, хотя въ ограниченномъ уже числѣ, пребывающіе на Сіонѣ съ Агнцемъ и имѣющіе на челахъ своихъ имя Его Отца. Вѣчное Евангеліе благовѣствуетъ всѣмъ живущимъ на землѣ; обольщеннымъ напоминаетъ о грозящемъ имъ вѣчномъ мученіи въ огнѣ и сѣрѣ; провозглашается паденіе прелюбодѣйнаго Вавилона; земля, какъ готовая къ жатвѣ нива, пожинается; грѣшники, какъ созрѣлый виноградъ, брошены въ точило великой ярости Божіей, и кровь течетъ изъ точила даже до устъ конскихъ. Таково содержаніе гл. 13—14.

Въ 6-хъ, открывается такое поразительное и многосложное зрѣлище, которое самъ Тайнозритель называетъ *великимъ и чуднымъ знаменіемъ*. Одна сторона зрѣлища такова:— между тѣмъ, какъ побѣдители выше указанныхъ звѣрей воспѣваютъ пѣснь Моисея и Агнца: „велики и чудны дѣла Твои.. Суды Твои открылись;“—изъ отверстаго небснаго храма исходятъ семь Ангеловъ съ золатыми чашами, исполненными ярости Бога живущаго въ вѣки вѣковъ. Эти Ангелы выливаютъ одинъ за другимъ свои чаши, вслѣдствіе чего имѣющіе начертаніе звѣря и кланяющіеся его образу поражаются ужасными семью язвами. При послѣдней изъ нихъ воспоминается предъ Богомъ самая мать мерзостей земныхъ— Вавилонъ, который тотчасъ же и является въ видѣ блудницы, во всемъ гнусномъ своемъ великолѣпнн, и затѣмъ страшно погибаетъ при вопляхъ и рыданіяхъ царей, купцевъ и проч. За то, съ другой стороны, небо оглашается самымъ торжественнымъ славословіемъ за судъ надъ этою великою блудницею.—Между тѣмъ невѣста Агнца облакается,

какъ предъ бракомъ, въ чистый и свѣтлый виссонъ праведности святыхъ. Самъ Агнецъ, какъ правосудный и воинственный,—какъ Царь надъ царями, пасеть языки жезломъ желѣзнымъ; особенно же усилившихся прежде враговъ своихъ низлагаетъ до того, что оба оныя звѣрообразные противника *живы брошены въ озеро огненное*, а прочіе изъ нихъ богоборнаго скопища убиты мечемъ; самый даже змѣй, который низвергъ нѣкогда третью часть небесныхъ звѣздъ и преслѣдовалъ жену, теперь низвергается и заключается въ бездну. Все это излагается отъ 15 гл. по 3 й ст. 20-й гл.

Въ 7-хъ,—открывается уже послѣднее зрѣлище, и при томъ самой напряженной борьбы между благодатію и зломъ, Церковію и ея врагами. Свѣтлая сторона *является* сначала и притомъ въ блистательнѣйшемъ видѣ. Видны престолы и сѣдящіе на нихъ;—обезглавленные за непокорность звѣрю и его образу оживаютъ и царствуютъ со Христомъ тысячу лѣтъ. Но столь свѣтлая сторона такъ названнаго *перваго воскресенія*, повидимому, совсѣмъ закрывается самою сгущенною тьмою противной стороны. Обольщенные освобожденными изъ заключенія сатаной, языки изъ всѣхъ четырехъ странъ земли, числомъ какъ песокъ морскій, окружаютъ возлюбленный градъ и станъ святыхъ. Однако они пожираются спадшимъ съ неба огнемъ и самъ обольстившій ихъ диаволь низвергается въ озеро огненное. Такъ настаетъ кончина, всеобщее воскресеніе и судъ; самая смерть и адъ, вмѣстѣ со всѣми ненаписанными въ книгѣ жизни, ввергаются въ озеро огненное. Это въ 20 гл. съ 4—15 ст.

И въ заключеніе всего, какъ осьмый и вѣчный день будущей жизни, открывается небо ново и земля новая; сходитъ отъ Бога, озаренный славою Божіею, новый Иерусалимъ, какъ невѣста, украшенная мужу своему; храмъ и свѣтъ въ семь святомъ градѣ будетъ Самъ Господь Богъ Вседержитель и Агнецъ; престоль Бога и Отца будетъ здѣсь во всей открытости, и рабы Его будутъ служить Ему и узрять лице Его, и воцарятся во вѣки вѣковъ.—Все это въ 21 гл. по 22, 5.

Итакъ, откровенія о судьбахъ Христовой Церкви, *имѣе подобаетъ быти* имѣютъ вообще такой порядокъ и составъ: Въ нихъ изображаются одно за другимъ семь великихъ поприщъ или періодовъ борьбы Церкви противъ враговъ, и

затѣмъ открытіе вѣчнаго ея торжества. Каждое же изъ этихъ отдѣленій въ частности таково, что здѣсь борющіяся стороны или представляются на одномъ зрѣлищѣ, какъ составныя части одного цѣлаго, или каждая изъ нихъ является на особомъ зрѣлищѣ, составляя особое цѣлое, въ которомъ всѣ частности подведены подъ одинъ образъ воззрѣнія. Отсюда и опредѣляется для насъ порядокъ изслѣдованія откровеній. Мы должны слѣдить одно за другимъ указанныя поприща побѣдоносныхъ подвиговъ Церкви и въ заключеніе рассмотреть вѣнецъ всѣхъ этихъ подвиговъ—открытіе вѣчнаго торжества Церкви надъ всѣмъ враждебнымъ.

Первое отдѣленіе (4—6 главы).

Общее содержаніе этого отдѣленія выше уже было показано. Здѣсь, съ одной стороны, предъ престоломъ Вседержителя и Агнца являются какъ бы нѣкоторые таинственные представители всѣхъ искупленныхъ кровію Агнца, вмѣстѣ съ сонмами Ангеловъ и со всѣми созданіями славящие Вседержителя, владѣющаго запечатлѣнною книгою судебъ, и Агнца, готоваго снять печати съ этой книги (4 и 5 гл.). Но, съ другой стороны, открывается гнѣвъ Вседержителя и Агнца, поражающій нѣкоторыхъ, также какъ бы всемірныхъ противниковъ лютыми казнями и, наконецъ, страшнымъ переворотомъ всего неба и земли (6 гл.). Каждая изъ этихъ сторонъ составляютъ особое зрѣлище. Посему мы должны разсматривать ту и другую сторону въ отдѣльности.

Чтобы видѣть, въ какомъ дивномъ порядкѣ раскрылась предъ Тайнозрителемъ величественная область свѣтлой стороны, надобно прочесть 4 и 5 гл. Апокалипсиса. Мы представимъ очертаніе этого свѣтоноснаго видѣнія во всей его полнотѣ съ нужными для обозрѣнія примѣчаніями.

Тайнозритель увидѣлъ *отверстую на небо дверь* и услышалъ гласъ Самого же, Глаголавшаго ему о семи церквахъ, Господа: *Взиди сѣмо, и покажу ти, емоуже подобаетъ быти по сихъ*. Въ этой то горней области духовныхъ и небесныхъ созерцаній и открылось предъ нимъ истинно Божественное зрѣлище:

На небеси стоялъ окруженный прекраснымъ радужнымъ сіяніемъ престоль, отъ котораго исходили молніи, громы и

гласы. На престолѣ возсѣдалъ Трисвятый, Господь Богъ Вседержитель, *Иже бы, и Сый и Грядый*,—Свѣтящійся не тѣмъ однако невыносимо—яркимъ свѣтомъ, какимъ сіяетъ солнце въ силѣ своей, но удобоприступнымъ и привлекающимъ взоръ блескомъ драгоценныхъ камней. Предъ престоломъ горѣли, какъ свѣтильники, семь духовъ Божіихъ, или, какъ выше уже было раскрыто значеніе ихъ (I, 4), семь источныхъ даровъ благодати Св. Духа. Предъ престоломъ же стояло кристалловидное стеклянное море, подобно какъ въ Ветхозавѣтномъ святилищѣ было такъ-же называемое *море* или водоемъ, въ которомъ священники производили свое омовеніе предъ служеніемъ. Кругомъ Божественнаго престола сидѣли на престолахъ же 24 старца въ бѣлыхъ одеждахъ и съ вѣнцами на главахъ. Вокругъ престола и посреди самаго престола находились четыре таинственныхъ животныхъ, у которыхъ было по шести крылъ и множество очей спереди и сзади и внутри, это Левъ, Телецъ, Человѣкъ, и летящій Орелъ: подобныя живыя существа видѣлъ и пророкъ Іезекиль, при созерцаніи славы Божіей (Іез. 1 гл.). Эти многоочитыя и шестокрылыя возсылаютъ сѣдящему на престолѣ Вседержителю—трисвятое славословіе, какое еще пророкъ Ісаія слышалъ отъ шестокрылыхъ Серафимовъ, *егда видѣ славу Господа Исуса Христа* (Іоан. XII, 42 слич. Ісаія 6 гл.).—Двадцать четыре старца, поклоняясь Сѣдящему на престолѣ и полагая къ Его ногамъ свои вѣнцы, также воздаютъ славу Ему, какъ Творцу и Вседержителю.—Такова первая половина видѣнія!—Далѣе, между тѣмъ, какъ никто ни на небѣ, ни на землѣ, ни подъ землею не могъ раскрыть и читать запечатлѣнную книгу, находившуюся въ десницѣ Вседержителя, Сѣдящаго на престолѣ, и Тайнозритель много о томъ плакалъ:—посреди престола и четырехъ животныхъ и двадцати четырехъ старцевъ является *Агнецъ, яко заколень*, у котораго рога и очи суть семь даровъ благодати, открытой въ Немъ всѣмъ земнороднымъ. Онъ пріемлетъ изъ десницы Вседержителя запечатлѣнную книгу, — и вотъ четыре животныя и двадцать четыре старца, съ гуслими и золатыми чашами, полными еиміама молитвъ, возносимыхъ святыми, воспѣваютъ Ему новую пѣснь, какъ *Достойному пріяти книгу и отверзти печати ея: яко, продолжаютъ они, заклался и искутилъ еси Богови насъ кровію Своею отъ всякаго колѣна и языка и*

людей и племенъ: и сотворилъ еси насъ Богови Цари и Иереи. и воцаримся на земли. Ты темя и тысячи тысячъ Ангеловъ къ хвалебной пѣсни Животныхъ и Старцевъ присовокупили и свое славословіе Агнцу. И всяко созданіе, еже есть на небеси и на земли и подъ землею—словомъ вся совокупность творенія говорило: *Сядящему на престолъ и Агнцу благословеніе и честь и слава и держава во вѣки вѣковъ.* Четыре животныхъ сказали: *аминь*, и двадцать четыре старца пали и поклонились Живущему во вѣки вѣковъ.

Опредѣлимъ же сначала общую или главную мысль этого видѣнія, соединяющую всѣ частныя черты и принадлежности видѣнія въ одно цѣлое. Изъ того, что здѣсь слышна такая пѣсня: *искупить еси Богови насъ кровію Своею отъ всякаго колѣна и языка и людей и племенъ (V, 9)*, видно, что здѣсь имѣется въ виду Вселенская Христова Церковь. Изъ того, что сколь выспренне и торжественно ни было настоящее созерцаніе, Тайнозрителю пришлося однакожъ много плакать по поводу нѣкоторыхъ созерцаемыхъ предметовъ или обстоятельствъ (V, 4—5),—понятно, что имѣется въ виду не торжествующая, а воинствующая Церковь. Такъ какъ св. Іоанна сокрушала такую глубокою печалію именно сокровенность для всѣхъ книги судебъ Церкви (ибо съ снятіемъ печатей съ сей книги раскрывались судьбы Церкви, какъ увидимъ въ 6 гл. и слѣдующихъ) то, ясно, что видѣніе касается Церкви, еще не получившей откровенія о своихъ судьбахъ и затруднявшейся этою недовѣдомостію своихъ судебъ,—какова была именно современная Апостолу Церковь. (Разсматривая обстоятельства, въ которыхъ дано Церкви Іоанново Откровеніе, мы видѣли, что Церковь точно находилась тогда въ весьма тяжкомъ подобномъ затрудненіи).—Далѣе,—такъ какъ разсматриваемое видѣніе относится къ составу тѣхъ видѣній, о которыхъ сказано въ самомъ вступленіи къ настоящему видѣнію: *покажу ти, емуже подобаетъ быти по сихъ*; то значить, что Тайнозрителю дано здѣсь видѣть, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя такія принадлежности современной Церкви, какія въ ней еще не осуществились, а только имѣли осуществиться и явиться.—При томъ, такъ какъ не только престолъ Вседержителя и Агнецъ, но и четыре животныя и двадцать четыре старца и море стеклянное являются и въ послѣдующихъ зрѣлищахъ судебъ

воинствующей Церкви (VII, 11 и дал. XI, 16. XIV, 3. XV, 2. XIX, 4 и д.): то видно, что Тайнозритель созерцает Апостольскую Церковь въ томъ ея видѣ и устройствѣ, которыя должны оставаться неизмѣнными въ продолженіе всего странствованія Новозавѣтной Церкви. И наконецъ, такъ какъ областію этого видѣнія представлено *Небо*, и открытое созерцаніе было возможно подѣ условіемъ чрезвычайнаго духовнаго восхищенія (IV, 1—2): то очевидно, что Апостольская Вселенская Церковь здѣсь явлена съ той горней и самой существенной своей стороны, которую открыто видятъ развѣ одни Ангелы и подобные имъ изъ человѣковъ, — которую, въ ея существѣ, можно и должно и намъ созерцать — только не внѣшними чувствами, а *просвѣщенными очами вѣрующаго сердца* (Ефес. I, 18) и *разумнѣя* (III, 19). Итакъ Тайнозритель — въ восхищеніи отъ Св. Духа видитъ самъ открыто, а другимъ даетъ созерцать вѣрою, полное благодатное завершеніе того Новозавѣтнаго устройства Церкви Христовой, которое въ существѣ своемъ есть горнее, небесное, и которое отъ тогдашняго Апостольскаго времени должно пребывать неизблѣмымъ и свѣтоноснымъ на все продолженіе странствованія Новозавѣтной Церкви. Такова главная и общая мысль разсматриваемаго видѣнія.

Уяснимъ теперь частныя принадлежности и самый порядокъ этого великаго видѣнія, дабы, указанная общая мысль видѣнія раскрылась во всей своей глубинѣ. — *Видѣть и се двери отверзты на небеси*, говоритъ св. Іоаннъ Богословъ. „Никто не восходилъ на небо, какъ только спедшій съ небесъ Сынъ Человѣческой, сущій на небесахъ“, — такъ сказала Самъ Господь (Іоан. III, 13). Изъ этихъ словъ Спасителя видно, что двери отверзты на небѣ не иначе, какъ въ Самомъ Христѣ Богочеловѣкѣ, по Божеству вѣчно Сущемъ въ лонѣ Отца и потому на небесахъ, а по человѣчеству открытомъ для человѣковъ, только бы они себя открывали для Него вѣрою. Итакъ, для усвоенія своему сердцу и мысли Іоаннова созерцанія *дверей отверзтыхъ на небеси*, надо входить своею вѣрою въ духъ человѣколюбія Христова, по которому Онъ, Сущій на небесахъ, воспріялъ въ Свою личность человѣческое естество и въ немъ понесъ на Себѣ бремя золь, тяготящее насъ грѣшныхъ человѣковъ. Въ небесную открытую дверь этого Своего человѣколюбія, располагающаго судьбами всего